

СТИВЕН КИНГ

A movie poster for Stephen King's film 'The Mist'. The background is a dark, moody scene with a vintage movie projector on the left. A film strip runs diagonally across the center, showing various scenes from the movie: a clock, a key, a figure in a field, and a close-up of two men. The title 'СТИВЕН КИНГ' is written in large, yellow, stylized letters at the top. At the bottom, the text 'Стивен Кинг идет в кино' is written in white.

Стивен Кинг идет в кино

Темная башня (АСТ)

Стивен Кинг

Стивен Кинг идет в кино (сборник)

«Издательство АСТ»

2009

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кинг С.

Стивен Кинг идет в кино (сборник) / С. Кинг — «Издательство АСТ», 2009 — (Темная башня (АСТ))

ISBN 978-5-17-111819-8

В этом сборнике Стивен Кинг собрал повести и рассказы, которые легли в основу известных голливудских фильмов. Писатель также добавил свои комментарии, делаясь впечатлениями о каждой картине и размышляя, удалось ли режиссерам передать дух его произведений или, может, даже превзойти их. Сюрреалистичная и жестокая «Мясорубка», оригинальные и пугающие «Дети кукурузы», загадочные и интеллектуальные «Сердца в Атлантиде», увлекательный и реалистичный «Побег из Шоушенка» и классический ужастик «1408». Пять историй, пять экранизаций с лучшими актерами — от Моргана Фримена и Тима Роббинса до Энтони Хопкинса и Джона Кьюсака. Вы смотрели эти фильмы? Возможно, теперь самое время перечитать литературные произведения, по которым они были сняты!..

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-111819-8

© Кинг С., 2009
© Издательство АСТ, 2009

Содержание

1408	6
«Мясорубка»	29
Давилка	30
Низкие люди в желтых плащах	45
Сердца в Атлантиде	46
Низкие люди в желтых плащах. 1960: У них была палка, заостренная с обоих концов	46
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Стивен Кинг идет в кино

Stephen King

STEPHEN KING GOES TO THE MOVIES

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

© Перевод. М. Левин, 2018.

© Перевод. В. Вебер, 2003.

© Перевод. Н. Рейн, наследники, 2018.

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2011.

© Перевод. Б. Самарханов, 2012.

© Перевод. Т. Покидаева, 2011.

© Stephen King, 2009

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

1408

Чудо, что эта история вообще появилась на свет, на бумаге или в кино. Первую тысячу слов я написал от руки в гостинной съёмного домика на острове Санибел, когда целый день нельзя было выйти на пляж из-за сильной грозы. Рассказ был задуман в качестве примера процесса работы над текстом (для «Как писать книги»). Я тогда только что закончил историю отеля с привидениями («Сияние») и не испытывал особого желания второй раз писать об одном и том же.

А довел я эту вещь до конца потому, что меня стал интересовать главный персонаж – циничный писака (может, даже кандидатом был на каких-нибудь выборах), выпекающий книги, в которых разоблачает якобы обитаемые призраками места. А что, подумалось мне, случится, если такой вот деятель нарвется на реальное зло?

Редко бывает, чтобы серьезные актеры соглашались на роль в среднебюджетных ужастиках, но роль Майка Энслина взял Джон Кьюсак. Яне очень представляю, почему он это сделал (может, он говорил об этом в каких-то интервью перед выходом фильма, но я ни разу не слышал, чтобы его об этом спрашивали). Однако у меня есть гипотеза: этот персонаж мог захватить и его воображение. Роль он сыграл так блестяще, что получилось почти шоу одного актера.

Я понял, что фильм будет хорошим, когда продюсер Боб Вайнштейн прислал мне предварительный трейлер. В нем была идеальная атмосфера клаустрофобии, точно отражавшая тон рассказа. Я представлял себе всякую чертовщину: она в буквальном смысле сводит с ума обитателей номера 1408, подвергая их чуждым ощущениям и ментальному внушению, которые обычно можно испытать лишь в лихорадочном бреде либо под ЛСД или мескалином. Киношники это уловили, и в результате получился раритет: фильм ужасов, действительно нагоняющий ужас. Я добивался рейтинга PG-13 (в конце концов фильм был его удостоен), потому что в фильме практически нет крови или человеческих внутренностей. Как и великие старые фильмы Вэла Льютона, эта картина дергает за нервы, а не за рвотный рефлекс.

И еще одно, последнее: сценаристы добавили предысторию, которой в приводимом рассказе нет. Это старый голливудский фокус, всегда опасный и редко успешный. А здесь он сработал, хотя я уверен: чтобы это получилось, конец пришлось переснимать.

1

Майк Энслин еще открывал вращающуюся дверь, когда увидел Олина, менеджера отеля «Дельфин», сидевшего в одном из больших кресел вестибюля. У Майка упало сердце. «Все-таки мне следовало привести с собой адвоката», – подумал он. Что ж, уже поздно. И даже если Олин попытается возвести еще один кордон или два между ним и номером 1408, может, это не так уж и плохо. В его книге появятся несколько лишних страниц.

Дверь только оказалась за спиной Майка, а Олин уже направлялся к нему, протягивая пухлую руку. «Дельфин» располагался на Шестьдесят первой улице, в шаге от Пятой авеню, – невысокое, но красивое здание. Мужчина и женщина в вечерних туалетах прошли мимо Майка, когда тот пожимал протянутую руку менеджера, предварительно переложив небольшой чемодан в левую руку. Женщина, блондинка, была, естественно, в черном, и легкий цветочный аромат ее духов символизировал Нью-Йорк. На мезонине кто-то играл в баре «День и ночь» – еще один штрих неподражаемой атмосферы Большого Яблока.

– Мистер Энслин. Добрый вечер.

– Мистер Олин. Есть проблемы?

Олин замялся. Оглядел маленький уютный вестибюль, словно прося помощи. У регистрационной стойки слегка помятый мужчина – обычное дело после длительного перелета в салоне бизнес-класса – обсуждал какие-то нюансы, связанные с заказанным номером, с женщиной в изящном черном костюме, который мог сойти и за вечерний наряд. В отеле всем спешили прийти на помощь, за исключением мистера Олина, попавшего в лапы писателя.

– Мистер Олин? – повторил Майк.

– Мистер Энслин... могу я поговорить с вами в моем кабинете?

Конечно, почему бы нет? Этот разговор усилит раздел, посвященный номеру 1408, добавит зловещности, которую обожают читатели его книг, но это еще не все. До этого момента полной уверенности у Майка Энслина не было, несмотря на серьезную подготовку к этому визиту. Теперь же он ясно видел, что Олин боится номера 1408, боится того, что может случиться с Майком в эту ночь.

– Разумеется, мистер Олин.

Олин, радушный хозяин, протянул руку к чемоданчику Майка.

– Позвольте?

– Я сам донесу, – ответил Майк. – Там ничего нет, кроме смены белья и зубной щетки.

– Вы уверены?

– Да, – кивнул Майк. – Счастливая гавайская рубашка уже на мне. – Он улыбнулся. – Пропитана особым составом, запах которого отгоняет призраков.

Олин не улыбнулся. Вдохнул – маленький толстячок в темном, сшитом по фигуре костюме, с вязанным галстуком.

– Очень хорошо, мистер Энслин. Идите за мной.

В вестибюле менеджер отеля казался нерешительным, чем-то даже напоминал побитую собачонку. А вот в кабинете, обшитом дубовыми панелями, с картинами на стенах («Дельфин» открылся в 1910 году: хотя книгу опубликовали бы и без таких подробностей, Майк не поленился заглянуть в подшивки давнишних газет и журналов), вновь обрел уверенность. Пол устилал персидский ковер. Мягкий желтый свет двух торшеров располагал к непринужденной беседе. На столе, рядом с ящичком для сигар, стояла лампа под зеленым абажуром. С другой стороны ящичка для сигар лежали три книги Энслина. В мягкой обложке, конечно же, в твердой его еще не издавали. «Мой хозяин тоже провел подготовительную работу», – подумал Майк.

Майк опустился в кресло перед столом. Он ожидал, что Олин сядет за стол, но тот удивил его. Сел рядом с Майком, положил ногу на ногу, потом наклонился вперед, прижав круглый животик к колену, коснулся ящичка для сигар.

– Сигару, мистер Энслин?

– Премного благодарен, но не курю.

Взгляд Олина сместился на сигарету за правым ухом. В не столь далекие времена репортеры, чтобы не лазить лишний раз в карман, случалось, засовывали сигарету за ленту шляпы с мягкими полями, рядом с нашивкой «ПРЕССА». Майк настолько сжился с этой сигаретой, что поначалу и не понял, куда смотрит мистер Олин. Потом рассмеялся, вытащил сигарету из-за уха, посмотрел на нее, перевел взгляд на Олина.

– Не курю девять лет. Старший брат умер от рака легких. Я бросил курить после его смерти. Сигарета за ухом... – Он пожал плечами. – Где-то напоминание, где-то – суеверие. Как гавайская рубашка. Вроде сигарет в коробочках со стеклянной крышкой и надписью «РАЗБИТЬ СТЕКЛО ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ», что люди кладут на стол или закрепляют на стене. В номере 1408 разрешено курить, мистер Олин? На случай, если разразится атомная война.

– Раз уж об этом зашла речь, разрешено.

– Отлично, – воскликнул Майк. – Хотя из-за этого можно не волноваться.

Мистер Олин вновь вздохнул, но этот вздох уже не был столь безутешным, как в вестибюле. «Да, кабинет дает о себе знать, – подумал Майк. – Кабинет Олина, его владения». Даже днем, когда Майк приходил с адвокатом Робинсоном, как только они пришли сюда, Олин заметно успокоился. Почему бы и нет? Где еще можно почувствовать себя хозяином, как не в собственных владениях? А кабинет у Олина получше, чем у многих: хорошие картины на стенах, хороший ковер на полу, хорошие сигары в деревянном ящичке на столе. Многие менеджеры вели здесь дела начиная с 1910 года. По-своему, это тоже визитная карточка Нью-Йорка, как блондинка в черном платье с оголенными плечами, запах ее духов, невысказанное, но явное обещание утонченного нью-йоркского секса в предрабсветные часы.

– Вы по-прежнему думаете, что мне не удастся отговорить вас от реализации вашей идеи? – спросил Олин.

– Уверен, что не удастся. – Майк вернул сигарету за ухо. Он не смазывал волосы маслом, как многие его прежние коллеги, носившие шляпы с мягкими полями, но сигареты все равно менял каждый день, как нижнее белье. За ушами тоже выступает пот, и когда в конце дня Майк оглядывал сигарету, прежде чем бросить ее в унитаз, видел желтовато-оранжевое пятно на тонкой белой бумаге. Сигарета в руке не усиливала желание закурить. Теперь он уже представить себе не мог, как почти двадцать лет выкуривал по тридцать, иногда сорок сигарет в день. Скорее мог объяснить, почему он это делал.

Олин взял со стола три книжки.

– Я искренне надеюсь, что вы ошибаетесь.

Майк расстегнул молнию бокового отделения чемодана. Достал мини-диктофон «Сони».

– Вы не будете возражать, если я запишу наш разговор, мистер Олин?

Менеджер махнул рукой. Майк нажал на клавишу «RECORD», загорелась маленькая красная лампочка. Бобины начали вращаться, пленка пошла.

Олин тем временем тасовал книжки, читая названия. Всякий раз, видя свою книгу в чьих-то руках, Майк Энслин ощущал самые разные чувства: гордость, неловкость, удивление, пренебрежение и стыд. Как бизнесмен, стыда он не испытывал: последние пять лет они обеспечивали безбедное существование и ему не приходилось делить прибыль с автором идеи («книжные шлюхи» – называл таких его литературный агент, возможно, из зависти), потому что он не только писал книгу, но и сам разрабатывал ее концепцию. Хотя после того как первая книга прошла на ура, было понятно, что только полный кретин мог проглядеть такую концепцию. А ведь думали, что после «Франкенштейна» и «Невесты Франкенштейна» ловить в этой области уже нечего.

Однако он окончил Айовский университет¹. Учился с Джейн Смайли². Однажды участвовал в семинаре Стэнли

Эл кина³. Мечтал (об этом не подозревали даже его ближайшие друзья) опубликоваться как Молодой поэт Йеля. И когда Олин начал вслух произносить названия книг, Майк пожалел, что включил мини-диктофон. Потому что знал, что позднее, слушая запись, будет ловить в голосе Олина нотки презрения. Механически он коснулся сигареты за ухом.

– «Десять ночей в домах с призраками», – читал Олин. – «Десять ночей на кладбищах с призраками». «Десять ночей в замках с призраками». – Он посмотрел на Майка, и уголки его губ изогнулись в легкой улыбке. – Чтобы написать эту книгу, вы побывали в Шотландии. Не

---

¹ Айовский университет основан в 1847 г. Славится литературными традициями. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Смайли Джейн (р. 1950) – современная популярная американская писательница.

³ Элкин Стэнли (р. 1930) – известный американский писатель, профессор литературы, лауреат многих литературных премий.

говоря уже о Венском лесе. И всякий раз ваши налоги уменьшались на затраченные на поездки суммы, верно? В конце концов охота за призраками – ваш бизнес.

– Вы сказали все, что хотели?

– Вы очень трепетно относитесь к этим книгам, не так ли?

– Да, трепетно. Но пренебрежением к ним меня не проймешь. Если вы надеетесь, критикуя мои книги, убедить меня уйти из вашего отеля...

– Нет, нет, отнюдь. Простое любопытство, ничего больше. Я послал за ними Марселя – он дневной портье – два дня назад, когда вы впервые обратились с вашей... просьбой.

– Требованием – не просьбой. И это по-прежнему требование. Вы слышали мистера Робертсона. Закон штата Нью-Йорк, не говоря уже про два федеральных закона о гражданских правах, запрещает вам отказать мне в найме конкретного номера, если я хочу снять этот номер и он свободен. А номер 1408 свободен. В наши дни номер 1408 всегда свободен.

Но мистер Олин не собирался уходить от избранной им темы для разговора – трех последних книг Майка, попавших в список бестселлеров «Нью-Йорк тайме», – пока не собирался. Он перетасовал их в третий раз. Желтый свет ламп отражался от глянцевых обложек. На них преобладал пурпурный цвет. Майку как-то сказали, что пурпурный цвет – оптимальный для книг о призраках. Обеспечивает максимальные продажи.

– До этого вечера мне не представилось возможности заглянуть в них. Столько навалилось дел. Впрочем, дел всегда хватает. По нью-йоркским масштабам «Дельфин» – маленький отель, но заполняемость у нас превышает девяносто процентов, и едва ли не каждый гость приносит с собой новые проблемы.

– Как я.

Олин улыбнулся.

– Я бы сказал, что вы – особая проблема, мистер Энслин. Вы, мистер Робертсон и все ваши угрозы.

Майку его слова не понравились. Он никому не угрожал, если не считать угрозой присутствие мистера Робертсона. И его заставили воспользоваться услугами адвоката, как человеку приходится брать в руки фомку, чтобы вскрыть старый сейф, ключ от которого давно утерян.

«Сейф-то не твой», – подсказал ему внутренний голос, но законы штата и государства утверждали обратное. Законы говорили, что он имеет полное право снять номер 1408 отеля «Дельфин», если у него возникло такое желание и никто другой не занял этот номер раньше.

Он почувствовал, что Олин наблюдает за ним с той же легкой улыбкой. Словно подслушивал внутренний диалог Майка, не пропуская ни слова. Чувство это было неприятным, да и вообще пребывание в кабинете Олина вызывало крайне негативную реакцию. У него сложилось ощущение, что он постоянно оправдывается, с того самого момента, как достал мини-диктофон (обычно мини-диктофон обезоруживал противную сторону) и включил его.

– Если в нашей беседе заложен какой-то глубокий смысл, мистер Олин, боюсь, мне его понять не удастся. У меня выдался трудный день. Если у вас больше нет возражений и я могу занять номер 1408, с вашего разрешения я хотел бы откланяться и подняться...

– Я прочитал одну... как вы их называете? Эссе? Байки?

Майк называл их счетовладельчиками, но не собирался говорить об этом вслух, под запись. Даже если эту запись делал его мини-диктофон.

– Историю, – подобрал название Олин. – По одной истории из каждой книги. В «Домах с призраками» – про дом Рилсби в Канзасе...

– Ах да. Убийства топором, какой-то человек – его так и не нашли – зарубил топором всех шестерых Рилсби.

– Совершенно верно. И еще о ночи, которую вы провели на могилах влюбленных с Аляски, которые покончили жизнь самоубийством, вроде бы их призраки люди видели около

Ситки... и еще ваши впечатления о ночи, проведенной в замке Гартсби. И обнаружил, что это очень занимательное чтение. Что меня удивило.

Ухо Майка четко улавливало нотки презрения даже в самых хвалебных комментариях его «Десяти ночей», он не сомневался, что иногда презрение слышалось ему там, где его не было и в помине (Майк обнаружил, что трудно найти большего параноика, чем писатель, который верит в глубине души, что пишет чушь), но в данном случае презрение отсутствовало напрочь.

– Благодарю вас. – Он посмотрел на мини-диктофон. Обычно красный глазок наблюдал за собеседником, ждал, когда же тот что-нибудь ляпнет. Сегодня глазок определенно следил за ним.

– О да, я надеялся, что вы воспримете мои слова как комплимент. – Олин забарабанил пальцами по верхней книжке. – Я хочу дочитать их до конца. Мне нравится, как вы пишете. К собственному изумлению, я смеялся, читая о ваших приключениях, в которых не было и толики сверхъестественного, в замке Гартсби. Я удивлен, что вы – такой хороший писатель. И так тонко все чувствующий и подмечающий. Ожидал столкнуться с ремесленником, а не мастером.

Майк уже знал, что за этим последует. Вариация Олина на тему «Что такая милая девушка делает в столь ужасном месте». Все-таки Олин не один год управлял городским отелем, принимал у себя светловолосых женщин в черных вечерних платьях, нанимал немолодых людей в смокингах, игравших старые шедевры вроде «Дня и ночи» в баре отеля. Олин, должно быть, читал Пруста в свободные от работы вечера.

– Но они и встревожили меня, эти книги. Если бы я не заглянул в них, не думаю, что стал бы дожидаться вас этим вечером. Увидев адвоката с брифкейсом, я понял, что вы намерены провести ночь в этом чертовом номере и никакие мои доводы не помогут. Но книги...

Майк протянул руку и выключил мини-диктофон: маленький красный глазок его достал.

– Вы хотите знать, почему я копаюсь в отбросах? Не так ли?

– Полагаю, вы делаете это ради денег, – миролюбиво ответил Олин. – И я не считаю, что вы копаетесь в отбросах, отнюдь... хотя любопытно, что, исходя из моих слов, вы пришли к такому выводу.

Майк почувствовал, что краснеет. Нет, он никакие ожидал такого поворота, он никогда не выключал мини-диктофон во время разговора. И Олин оказался совсем не таким, как он предполагал. «Меня сбили с толку его руки, – подумал Майк. – Эти пухлые ручки менеджера отеля с аккуратными белыми полукруглыми ухоженных ногтей».

– А встревожило меня... более того, напугало... вот что: я читал книгу интеллигентного талантливого человека, абсолютно не верящего в написанное им самим.

Это не совсем так, подумал Майк. Он написал, возможно, два десятка историй, в которые верил, но опубликовал лишь несколько. Он написал множество стихотворений, в которые верил в свои первые восемнадцать месяцев в Нью-Йорке, когда голодал на нищенское жалование в «Виллидж войс». Но разве он верил в безголовый призрак Юджина Рилсби, шагающий под лунным светом по брошенному фермерскому дому в Канзасе? Нет. Он провел ночь в этом доме, устроившись на грязном вздувшемся линолеуме кухни, и не увидел ничего страшнее двух мышек, пробежавших вдоль плинтуса. Он провел жаркую летнюю ночь в развалинах трансильванского замка, где вроде бы правил Влад Цепеш, но из всех вампиров на встречу с ним явились, правда в большом количестве, лишь европейские комары. Когда же он заночевал на могиле серийного убийцы Джеффри Дамера, белая, в кровавых потеках, размахивающая ножом фигура возникла перед ним в два часа ночи, но смех друзей привидения выдал его, да и сам он особо не испугался. Он мог отличить подростка, закутавшегося в простыню и размахивающего резиновым ножом, от настоящего призрака. Но Майк Энслин не собирался рассказывать все это Олину. Он не мог позволить себе...

Да нет, мог. Мини-диктофон (теперь он понимал, что допустил ошибку, достав его из чемодана) выключен, разговор определенно останется между ними. И пусть кому-то это и покажется странным, он начал восхищаться Олином. А человеку, которым восхищаются, обычно говорят правду.

– Вы правы, я не верю ни в призраки, ни в привидения, ни в прочую длинноногую нечисть. Я радуюсь, что ничего этого в природе не существует, потому что не уверен, что Господь Бог смог бы уберечь нас от этих тварей. Я с самого начала занял позицию бесстрастного наблюдателя. Я, возможно, не получу Пулитцеровскую премию за репортаж о Лающем призраке с кладбища «Гора надежды», но, явись он мне, написал бы о нем со всей объективностью.

Олин что-то сказал, произнес какое-то слово, но слишком тихо, чтобы Майк расслышал его.

– Простите?

– Я сказал, нет. – В голосе Олина звучали нотки извинения.

Майк вздохнул. Олин принял его за лжеца. Когда разговор выходит на такой уровень, у тебя только два выхода: или выложить все козыри, или прекратить дискуссию.

– Почему бы нам не продолжить эту беседу в другой день, мистер Олин? Я бы хотел подняться наверх, почистить зубы. Может, я увижу в зеркале Кевина О’Молли, который материализуется у меня за спиной?

Майк начал подниматься, но Олин протянул пухлую, с ухоженными ногтями руку, чтобы остановить его.

– Я не называю вас лжецом, мистер Энслин, но вы не верите. Призраки редко являются тем, кто в них не верит, а если и являются, то не дают себя увидеть. Юджин Рилсби, возможно, склонял перед вами отрубленную голову в прихожей, но из кухни вы этого не могли заметить!

Майк встал, потом наклонился, чтобы подхватить чемоданчик.

– Если это так, я могу не волноваться насчет номера 1408, правда?

– Как раз наоборот, – возразил Олин. – Должны. Потому что призраков в 1408-м нет и никогда не было. Что-то там есть, я это чувствовал на себе, но это совсем не призрак. В заброшенном доме или развалинах замка ваше неверие может служить вам защитой. В номере 1408 именно из-за него вы станете более уязвимым. Не делайте этого, мистер Энслин. Я ждал вас сегодня, чтобы просить, умолять не делать этого. Из всех людей Земли, которым не следует заходить в этот номер, человек, пишущий такие веселые, такие интересные книги про призраков, занимает в списке первое место.

Майк все слышал и не слышал одновременно. «И ты выключил мини-диктофон! – клял он себя. – Он смутил меня, заставив выключить мини-диктофон, а теперь превращается в Бориса Карлоффа, устраивающего у себя уик-энд знаменитых призраков! Черт! Я все равно его процитирую. Если ему это не понравится, пусть подает в суд».

Ему просто не терпелось подняться наверх. Не только для того, чтобы провести долгую ночь в угловом номере отеля, но чтобы записать слова Олина, пока они не стерлись в памяти.

– Выпейте со мной, мистер Энслин.

– Нет, вообще-то я...

Мистер Олин сунул руку в карман и достал ключ, соединенный кольцом с тяжелой латунной пластиной. Поцарапанной, тусклой, старой. С выгравированными на ней цифрами: 1408.

– Пожалуйста, – продолжил Олин. – Доставьте мне удовольствие. Уделите еще десять минут времени, этого хватит, чтобы выпить по стаканчику шотландского, и я отдам вам ключ. Я бы отдал все, что угодно, лишь бы убедить вас отказаться от принятого решения, но мне хочется думать, что я знаю, когда дальнейшие уговоры становятся бесполезными.

– У вас до сих пор настоящие ключи? – спросил Майк. – Как мило. Это же чистый антиквариат.

– Номера «Дельфина» оборудованы магнитными замками с 1979 года. Аккурат тогда меня назначили управляющим. Номер 1408 – единственный, который открывается обычным ключом. Не имело смысла ставить на дверь магнитный замок, поскольку он всегда пуст. Последний раз в него кого-то поселили в 1978 году.

– Вы морочите мне голову! – Майк сел, вновь достал мини-диктофон. Нажал клавишу «RECORD», сказал: «Управляющий отеля заявляет, что более двадцати лет номер 1408 пустует».

– Опять же, в дверь номера 1408 не стали врезать магнитный замок, ибо я абсолютно уверен, что работать бы он не стал. Электронные часы в номере 1408 не работают. Одни отстают, другие останавливаются. В номере 1408 узнать точное время еще никому не удавалось. То же относится к карманным калькуляторам и сотовым телефонам. Если у вас есть бипер, мистер Энслин, советую вам выключить его, потому что в номере 1408 он начинает пикать, когда ему заблагорассудится, а не потому, что кого-то заинтересовал ваш автомобиль. – Он помолчал. – Даже если вы его и выключите, потом он может не заработать. Единственное верное средство – вынуть из него батарейки. – Он нажал на мини-диктофоне клавишу «STOP», даже не посмотрев на надписи. Майк решил, что Олин хорошо знаком с этой моделью, возможно, надиктовывает на нее служебные записки.

– На самом деле, мистер Энслин, единственное верное средство избежать неприятностей – держаться подальше от этого номера.

– Не могу, – Майк взял мини-диктофон, убрал, – но думаю, у меня есть время выпить шотландского.

Пока Олин доставал бутылку из бара из-под картины с изображением Пятой авеню в начале двадцатого века, Майк спросил, откуда ему известно, что в номере 1408 не работают бытовые устройства, созданные на основе высоких технологий, если с 1978 года там не останавливался ни один гость.

– Я же не говорил, что с 1978 года в этот номер не ступала нога человека, – ответил Олин. – Во-первых, раз в месяц горничные делают там легкую уборку. Сие означает...

Майк, который уже четыре месяца работал над книгой «Номера отелей с призраками», перебил его: «Я знаю, что сие означает». Легкая уборка нежилого номера означала следующее: открывались окна, вытиралась пыль, менялись полотенца. Постельное белье – скорее всего нет. Он даже подумал, а не следовало ли ему захватить с собой спальник.

Направляясь к Майку по персидскому ковру с двумя стаканами в руках, Олин словно прочитал мысли писателя.

– Постельное белье поменяли во второй половине дня, мистер Энслин.

– Почему бы вам не обойтись без фамилии? Зовите меня Майк.

– Вы уж извините, но так мне привычнее. – Он протянул своему гостю стакан. – За вас.

– И за вас. – Майк поднял свой, намереваясь чокнуться с Олином, но тот отвел руку.

– Нет, за вас, мистер Энслин. Я настаиваю. Сегодня мы оба должны пить за вас. Вам это потребуется.

Майк вздохнул, ободок его стакана звякнул по ободку стакана Олина.

– За меня. Вам самое место в фильме ужасов, мистер Олин. Вы могли бы сыграть роль мрачного старого дворецкого, убеждающего молодую семейную пару держаться подальше от замка Рок.

Олин сел.

– Эту роль, слава богу, мне приходится играть нечасто. Номера 1408 нет ни на одном сайте, где перечисляются места, известные паранормальными явлениями, выбросами психической энергии...

«После моей книги ситуация кардинальным образом изменится», – подумал Майк.

– ...и в туристических путеводителях среди отелей, где видели призраков, отель «Дельфин» не значится. Зато указаны «Шерри-Нидерленд», «Плаза», «Парк-Лейн». Мы принимаем все меры, чтобы о номере 1408 знали как можно меньше... хотя, разумеется, всегда найдется историк, удачливый и дотошный одновременно.

Майк позволил себе улыбнуться.

– Вероника поменяла постельное белье, – продолжил Олин. – Я ее сопровождал. Вы можете гордиться, мистер Энслин. Можно сказать, постельное белье вам меняла особа королевской крови. Вероника и ее сестра служат в отеле «Дельфин» с 1971 или 1972 года. Ви, как мы ее зовем, старейший работник «Дельфина», ее стаж как минимум на шесть лет больше моего. Она давно уже стала старшей горничной. Полагаю, постельное белье не менялось много лет, но до 1992 года она и ее сестра регулярно прибирались в номере 1408. Вероника и Селеста были близнецами, и существовавшая между ними внутренняя связь, похоже, позволяла... как бы это сформулировать? Нет, нечувствительными к воздействию 1408-го они не оставались, но могли противостоять ему... по крайней мере на короткое время, которое занимала легкая уборка.

– Не собираетесь же вы сказать мне, что сестра Вероники умерла в этом номере, не так ли?

– Нет, разумеется, нет. Она ушла с работы в 1988 году по причине слабого здоровья. Но я не исключаю, что номер 1408 способствовал ухудшению ее психического и физического состояния.

– У нас вроде бы установилось полное взаимопонимание, мистер Олин. Надеюсь, оно не исчезнет, если я признаюсь, что нахожу ваши слова нелепыми.

Олин рассмеялся.

– Для исследователя мира призраков вы слишком большой материалист.

– Это мой долг перед читателями, – сухо ответил Майк.

– Наверное, я мог просто забыть про номер 1408, – промурлыкал менеджер отеля. – Дверь закрыта, свет погашен, шторы затянуты, чтобы не выцветал ковер, кровать застлана покрывалом, на нем меню завтрака, которое с вечера можно оставить на ручке двери... но мне претила сама мысль, что воздух в номере станет таким же затхлым, как на чердаке, а слой пыли будет увеличиваться день ото дня. Вы думаете, я слишком пунктуален или одержим чистотой?

– Я думаю, что вы хороший менеджер.

– Пожалуй. В любом случае Ви и Си прибирались в номере очень быстро, только входили и сразу выходили, пока Си не уволилась, а Ви не получила повышение. После этого уборкой занимались другие горничные, всегда по двое, и в пару я подбирал только тех, кто ладил между собой...

– В надежде, что у них тоже была внутренняя связь, помогающая противостоять привидениям?

– В надежде, что такая связь есть, да. Можете посмеиваться над привидениями номера 1408, мистер Энслин, но вы сразу почувствуете их присутствие, в этом я уверен. Что бы ни жило в этом номере, застенчивость ему несвойственна.

Часто, когда у меня была такая возможность, я шел с горничными, присматривал за ними. – Он помолчал, потом с явной неохотой добавил: – Чтобы вытащить их оттуда, если произойдет что-то ужасное. Слава богу, обошлось. Некоторые вдруг начинали плакать, на одну напал безумный смех, который напугал меня куда больше, чем слезы, кое-кто падал в обморок. Но, повторюсь, ничего ужасного. За эти годы мне удалось провести несколько примитивных экспериментов с биперами, сотовыми телефонами, часами, опять же, все обошлось. Слава богу. – Он вновь помолчал, потом добавил спокойным, бесстрастным тоном: – Одна из них ослепла.

– Что?

– Горничная ослепла. Ромми ван Гелдер. Она стирала пыль с телевизора и вдруг начала кричать. Я спросил ее, что случилось. Она бросила тряпку, подняла руки к глазам и прокричала, что ослепла... но может видеть какие-то ужасные цвета. Они исчезли, как только я вывел ее из номера, а когда мы дошли до лифта, к ней начало возвращаться зрение.

– Вы рассказываете все это, чтобы напугать меня, мистер Олин, не так ли? Чтобы я не оставался ночевать в номере 1408?

– Да нет. Вы же знаете историю номера, начиная с самоубийства его первого жильца.

Майк знал. Кевин О’Молли, коммивояжер, продававший швейные машинки, покончил с собой 13 октября 1910 года, оставив жену и семерых детей.

– Пятеро мужчин и одна женщина выпрыгнули из единственного окна номера, мистер Энслин. Три женщины и один мужчина приняли смертельную дозу снотворного, двоих нашли в кровати, двоих – в ванной, женщину – в ванне, мужчину – сидящим на унитазе. Еще один мужчина повесился в стенном шкафу в 1970...

– Генри Сторкин, – вставил Майк. Это, вероятно, случайная смерть... эротическая асфиксия.

– Возможно. Но был еще Рандольф Хайд, который перерезал себе вены, а потом, истекая кровью, едва ли не полностью отхватил гениталии. Вот это уже не эротическая асфиксия. Я вот о чем толкую, мистер Энслин, если двенадцать самоубийств, совершенных в этом номере за шестьдесят восемь лет, не убедили вас отказаться от вашей затеи, сомневаюсь, что ахи и стоны горничных окажутся более действенными.

«Ахи и стоны – это хорошо», – подумал Майк, решив, что эти слова его книге не помешают.

– Редко кто из семейных пар, останавливающихся за эти годы в 1408-м, вновь просили дать им этот номер. – Олин одним глотком допил виски.

– За исключением близняшек-французенок.

– Это правда, – он кивнул, – Ви и Си бывали там часто.

Майка не волновали горничные и их... как там сказал Олин? Их ахи и стоны. Конечно, количество самоубийств, перечисленных Олином, производило впечатление... коли уж Майк был столь толстокожим, не сам факт, так глубинный смысл происшедшего. Только никакого глубинного смысла не было. У вице-президентов Авраама Линкольна и Джона Кеннеди была одна фамилия – Джонсон. Линкольна и Кеннеди избрали президентами в год, заканчивающийся на числе 60. Линкольна убили в театре Кеннеди, Кеннеди – в автомобиле «линкольн». И что доказывают эти совпадения? Ровным счетом ничего.

– Эти самоубийства найдут достойное отражение в моей книге, – ответил Майк, – и поскольку диктофон выключен, могу сказать вам, что они – пример явления, которое статистики называют «групповой эффект».

– Чарлз Диккенс называл это «картофельным эффектом», – вставил Олин.

– Простите?

– Когда призрак Джейкоба Марли впервые заговаривает со Скруджем, Скрудж говорит ему, что он всего лишь капля горчицы на куске недоваренной картофелины.

– Полагаете, это смешно? – В голосе Майка зазвучали ледяные нотки.

– В том, что связано с номером 1408, мистер Энслин, я ничего смешного не нахожу. Абсолютно ничего. Слушайте внимательно. Сестра Ви, Селеста, умерла от сердечного приступа. К этому моменту она уже страдала болезнью Альцгеймера средней степени, а заболела ею в очень раннем возрасте.

– Однако ее сестра-близняшка в полном порядке, о чем вы упомянули чуть раньше. Более того, являет собой пример реализации американской мечты. Как и вы, мистер Олин, если судить по внешнему виду. При том, что вы многократно заходили в номер 1408 и выходили из него. Сколько раз? Сто? Тысячу?

– На очень короткое время, – уточнил Олин. – Знаете, ситуация та же самая, что с комнатой, заполненной ядовитым газом. Если задерживаешь дыхание, все будет в порядке. Вижу, сравнение вам не по душе. Вы, вероятно, находите его вычурным, даже нелепым. Однако, поверьте, это очень удачное сравнение.

Он сложил пальцы домиком под подбородком.

– Возможно, некоторые люди быстрее и сильнее реагируют на обитателя этого номера. Вы ведь знаете, среди увлекающихся подводным плаванием одни люди переносят изменение наружного давления гораздо легче других. «Дельфин» открылся без малого сто лет назад, и за это время персонал отеля пришел к твердому убеждению, что 1408-й – отравленный номер. Он стал частью истории этого дома, мистер Энслин. Никто не говорит о нем, как никто и не упоминает, что четырнадцатый этаж, это, кстати, свойственно большинству отелей, на самом деле тринадцатый... но все сотрудники это знают. Если обнародовать все факты, связанные с этим номером, получится потрясающая история... только вряд ли ваши читатели получат от нее удовольствие.

Я например, не сомневаюсь, что едва ли не в каждом отеле Нью-Йорка случались самоубийства, но готов поспорить на свою жизнь, только в «Дельфине» двенадцать человек покончили с собой в одном номере. Кстати, оставляя за кадром Селесту Романдю, нельзя сбрасывать со счетов смерть постояльцев 1408-го номера от естественных причин. Так называемых естественных причин.

– И сколько их было? – Мысль, что в 1408-м люди умирали и от так называемых естественных причин, не приходила Майку в голову.

– Тридцать, – ответил Олин. – Как минимум тридцать. Мне точно известно о тридцати.

– Лжете! – Слова сорвались с губ Майка, прежде чем он успел их остановить.

– Нет, мистер Энслин, заверяю вас, не лгу. Или вы действительно думали, что мы держим номер пустым из-за суеверий или нелепой нью-йоркской традиции... может, идеи, что в каждом старом отеле должен обитать хоть один призрак, звенящий в своем номере невидимыми цепями?

Майк Энслин осознал, что такая идея, пусть и не сформулированная, безусловно, присутствовала на страницах его новых «Десяти ночей». И раздражение в голосе Олина (должно быть, так же раздраженно ученый разговаривал бы с туземцем, размахивающим гадалочной доской) не добавило Майку спокойствия.

– В гостиничном бизнесе есть суеверия и традиции, мистер Энслин, но мы не позволяем им мешать делам. Когда я только начинал работать, на Среднем Западе еще говорили: «Когда скотоводы в городе, пустующих номеров нет». Если номер освобождается, мы его тут же заполняем. Единственное исключение, которое я сделал из этого правила, и наш разговор – единственный на эту тему, номер 1408, на тринадцатом этаже, сумма цифр на двери которого равняется тринадцати.

Олин пристально смотрел на Майка Энслина.

– В этом номере случались не только самоубийства – инсульты, инфаркты и эпилептические припадки. Один мужчина, остановившийся в нем, это случилось в 1973 году, утонул в тарелке супа. Вы скажете, что такого просто не может быть, но я разговаривал с человеком, работавшим тогда в службе безопасности отеля и видевшим свидетельство о смерти. Неведомая сила, обитающая в номере, вроде бы слабеет к полудню, в расчетный час, когда обычно сменяется постоялец, и, однако, я знаю нескольких горничных, прибиравшихся в номере, теперь страдающих от сердечных болезней, эмфиземы, диабета. Три года назад на этаже забарахлила система отопления, и мистеру Нилу, тогда главному инженеру отеля, пришлось зайти в несколько номеров, чтобы проверить отопительные приборы, в том числе и в 1408-м. Он прекрасно себя чувствовал и в самом номере, и потом, но на следующий день умер от массивного кровоизлияния в мозг.

– Совпадение, – отмахнулся Майк. Но ему пришлось признать, что Олин – мастер своего дела. Будь он вожатым летнего лагеря, до того бы перепугал детей, что после первого круга историй о призраках у лагерного костра девяносто процентов запросилось бы домой.

– Совпадение, – повторил Олин тихим голосом, с ноткой сожаления к собеседнику. Протянул старомодный ключ, соединенный кольцом с не менее старомодной латунной пластиной. – У вас с сердцем все в порядке, мистер Энслин? С давлением, с нервами?

Майк обнаружил, что ему потребовалось приложить немало усилий, чтобы поднять руку... но стоило заставить ее двигаться, все пошло как по маслу. И когда брал ключ, пальцы его, насколько он мог судить, совершенно не дрожали.

– Претензий нет. – Майк зажал в кулаке латунную пластину. – А кроме того, на мне счастливая гавайская рубашка. Зря, что ли, я ее надевал?

Олин настоял на том, чтобы проводить Майка на четырнадцатый этаж, впрочем, тот особо не возражал. Ему хотелось понаблюдать за трансформацией мистера Олина, когда они покинули бы его уютный кабинет и зашагали по коридору к лифтам, хотелось увидеть, как он вновь превратится в несчастного менеджера отеля, бедолагу, попавшего в писательские когти.

Мужчина в смокинге – Майк догадался, что это управляющий ресторана или метрдотель, – остановил их, протянул Олину несколько листков, что-то прошептал на французском. Олин ответил также шепотом, на том же языке, кивнул, быстро расписался на каждом из листков. В баре пианист играл «Осень в Нью-Йорке». С такого расстояния звук долетал до них эхом, словно музыка, которую слышишь во сне.

Мужчина в смокинге со словами «*Merci bien*»⁴ повернулся и пошел по своим делам. Олин вновь попросил разрешения донести до номера маленький чемоданчик, и Майк опять ответил отказом. В лифте взгляд Майка, как магнитом, притянуло к тройному ряду кнопок. На каждой кнопке – цифры, все, как положено, и надо приглядеться повнимательнее, чтобы заметить, что за кнопкой 12 следует кнопка 14. «Словно, – думал Майк, – они лишили промежуточное число права на существование, убрав его с панели управления лифтом. Глупость... и, однако, правота на стороне Олина. Такое можно увидеть в отелях по всему миру».

– Мистер Олин, – нарушил затянувшуюся паузу Майк, когда кабина пошла вверх. – Мне любопытно. Почему вы не поселили в 1408-м фиктивного постояльца, если уж этот номер так вас пугает? Или другой вариант, почему вы не записали этот номер на себя?

– Полагаю, боялся, что меня обвинят в мошенничестве если не сотрудники официальных органов и активисты организаций, защищающих гражданские права (поверьте, менеджеры отелей вздрагивают при упоминании о законах, обеспечивающих гражданские права, совсем как ваши читатели, которым ночью слышится звон цепей), то мои боссы, как только до них дошла бы такая информация. Если я не смог убедить вас держаться подальше от номера 1408, сомневаюсь, что мне бы удалось достичь лучших результатов, убеждая совет директоров «Стэнли корпорейшн» в правомерности своего решения никого не селить в этот номер из-за страха перед призраками, из-за которых заезжий коммивояжер выпрыгнул из окна и разбился в лепешку об асфальт Шестьдесят первой улицы.

Майк нашел, что последняя тирада мистера Олина встревожила его больше всего. «Потому что он уже не пытается меня отговаривать, – подумал он. – Убедительность, достойная наилучшего коммивояжера, которой обладали его слова в кабинете, может, благодаря особой ауре, создаваемой персидским ковром, здесь исчезла. Компетентность осталась, да, это чувствовалось в его манере, когда он подписывал бумаги, а вот умение убеждать – нет. Исчезла вместе с личным магнетизмом. Как только они вышли из кабинета. Но он верит, что в 1408-м кто-то или что-то есть. Верит безо всяких сомнений».

---

⁴ *Merci bien* – премного благодарен (фр.).

Над дверью погасло окошечко с числом 12 и зажглось следующее, с числом 14. Кабина остановилась. Двери разошлись, открыв обычный гостиничный коридор, устланный красно-золотым ковром (само собой, не персидским). Освещался коридор настенными светильниками, стилизованными под газовые фонари девятнадцатого века.

– Приехали, – сказал Олин. – Ваш этаж. Вы уж извините меня, но здесь я с вами расстанусь. 1408-й – по левую руку, в конце коридора. Без крайней на то необходимости я к нему не приближаюсь.

Майк Энслин вышел из кабины. Создалось ощущение, что ноги заметно потяжелели, словно и им не хотелось приближаться к номеру 1408. Повернулся к Олину, невысокому толстячку в черном, сшитом по фигуре костюме и вязаном бордовом галстуке. Олин сцепил руки за спиной, и Майк увидел, что лицо у толстячка белое как молоко. На высоком, без единой морщины лбу выступили капельки пота.

– В номере, естественно, есть телефон, – выдавил из себя Олин. – Вы можете попробовать позвонить, если что-то случится... но я сомневаюсь, что он будет работать. Если только номер этого не захочет.

Майк попытался ответить шуткой, что ему не придется давать чаевые официанту бюро обслуживания, но язык стал таким же тяжелым, как и ноги.

Одна рука Олина вынырнула из-за спины, и Майк увидел, что она дрожит.

– Мистер Энслин. Майк. Не делайте этого. Ради бога...

Прежде чем он закончил фразу, двери лифта закрылись, отсекая его от собеседника. Майк какое-то время постоял в привычной тишине коридора нью-йоркского отеля на, пусть ни один сотрудник «Дельфина» в этом бы не сознался, тринадцатом этаже, колеблясь, не протянуть ли руку и не нажать кнопку вызова кабины.

Но нажми он кнопку, Олин бы победил. И на месте лучшей главы его новой книги появилась бы зияющая дыра. Читатели об этом бы не узнали, издатель и литературный агент тоже, как и адвокат Робертсон... но он бы знал.

И вместо того чтобы вызвать лифт, Майк поднял руку и коснулся сигареты за ухом, отвлекая себя от тревожных мыслей, а потом щелкнул пальцем по воротнику счастливой гавайской рубашки. И зашагал по коридору к номеру 1408, беззаботно помахивая маленьким чемоданчиком.

2

Самым интересным артефактом, оставшимся от короткого (семьдесят минут) пребывания Майка Энслина в номере 1408, стала одиннадцатиминутная запись, сохранившаяся на минидиктофоне. Сверху он немного обуглился, но пленка не пострадала. Удивительно, но на пленке, если говорить о содержании, практически ничего не записано, а то, что все-таки записалось, более чем странно.

Мини-диктофон ему подарила бывшая жена, они расстались по взаимному согласию, друзьями, пять лет назад. Майк взял его с собой в свою первую экспедицию (на ферму Рилсби в Канзас) в качестве довеска к пяти большим блокнотам и кожаному футляру с остро заточенными карандашами. Но когда он подошел к двери номера 1408 отеля «Дельфин», за его плечами были три книги, поэтому ручка и маленький блокнот лишь дополняли пять чистых девяностоминутных кассет. Шестую он вставил в мини-диктофон перед тем, как выйти из квартиры.

Выяснилось, что магнитофонная запись куда лучше исписанных страниц блокнота: она сохраняла нюансы, которые не могла отразить бумага. К примеру, посвист рассекающих воздух летучих мышей, которые в отличие от призраков атаковали его в замке Гартсби. И его крики,

прямо-таки девушки, впервые попавшей в дом с привидениями. Друзья хохотали до упаду, слушая эту запись.

Записывать собственные впечатления на магнитную пленку, а не в блокнот оказалось легче и проще, особенно если ты мерзнешь на кладбище Нью-Брансуика, а в три часа ночи твоя палатка рушится от резкого порыва ветра с дождем. Записывать в таких условиях нельзя, а вот говорить – пожалуйста... что Майк и делал – говорил и говорил, выбиваясь из-под мокрой парусины палатки, ни на мгновение не теряя из виду такой милый сердцу красный огонек мини-диктофона. За годы, проведенные в экспедициях, мини-диктофон «Сони» стал его близким другом. На тоненькую пленку, бегущую между бобинами, ему ни разу не удалось записать свидетельство паранормального события, это относится и к отрывочным комментариям, сделанным им в номере 1408, однако он сроднился с маленьким устройством, которое, можно сказать, стало его неотъемлемой частью. Такое бывает. Дальнобойщики влюбляются в свои восемнадцатиколесные «кенуорты» и «джимми-питы», писатели души не чают в какой-нибудь ручке или старой пишущей машинке, профессиональные уборщицы не желают расставаться со старым пылесосом «Электролюкс». Майку, когда при нем находился мини-диктофон, играющий роль креста или связки чеснока, ни разу не довелось столкнуться с настоящим призраком или психокинетическим явлением, зато вместе они провели много холодных ночей далеко не в самых приятных местах. Майк был законченным рационалистом, но это не мешало ему оставаться человеком.

Проблемы с 1408-м начались даже до того, как он вошел в номер.

Взглянув на дверь, Майк увидел, что она перекошена.

Перекошена лишь частично, слева. Этот перекос напомнил ему фильмы ужасов, в которых режиссер пытался показать психическое заболевание одного из героев, наклоняя камеру в ту или другую сторону. За первой ассоциацией последовала другая: дверь на корабле во время сильной качки. Она наклоняется вперед и назад, вправо и влево, пока голова не начинает идти кругом, а к горлу не подкатывает тошнота. У него таких ощущений вроде бы не было, совсем не было, ну...

Нет, все-таки были. Но чуть-чуть.

И он об этом напишет в книге, хотя бы для того, чтобы отвергнуть инсинуации Олина, утверждавшего, что его рационализм не позволяет объективно писать о призраках и связанном с ними.

Он наклонился (отметил, что головокружение и тошнота моментально пропали, едва перекошенный участок двери исчез из поля зрения), расстегнул молнию, из бокового отделения чемодана достал мини-диктофон. Выпрямляясь, нажал на клавишу «RECORD», увидел зажегшийся красный глазок и уже открыл рот, чтобы сказать: «Дверь номера 1408 встречает меня уникальным образом, частичным перекосом слева».

Произнес первое слово «дверь» и замолчал. Если вы послушаете пленку, то услышите его и щелчок клавиши «STOP». Потому что перекос исчез. Майк видел перед собой четкий прямоугольник. Повернулся, посмотрел на дверь номера 1409 через коридор, потом вновь перевел взгляд на 1408-й. Обе двери выглядели одинаково, белые, с золотыми табличками и ручками. Никаких перекосов – по четыре прямых угла, соединенных прямыми линиями.

Майк опять наклонился, рукой, в которой держал минидиктофон, подхватил чемоданчик, другую руку с ключом протянул к замку – и замер.

Вновь появился перекос.

На этот раз справа.

– Это нелепо, – пробормотал Майк, но тошнота вернулась. Тошнота, которая уже не напоминала морскую болезнь, а была ею. Два года назад он плывал в Англию на «Королеве Елизавете II», и одну ночь очень сильно штормило. Майк помнил, как лежал на кровати в своей каюте. Его мучило, но вырвать так и не удалось. И это тошнотворное головокружение только

усиливалось, если он смотрел на дверь... или стул... или стол... которые так и ходили взад-вперед, вправо-влево...

«Во всем виноват Олин, – подумал Майк. – Именно этого он и добивается. Как следует накрутил. Завел. Как бы он смеялся, если б видел меня сейчас. Как...»

И тут до него дошло, что Олин, возможно, видит его в этот самый момент. Майк оглядел коридор, не заметив, что головокружение и тошнота исчезли, как только взгляд оторвался от двери. У потолка, слева от лифтов, увидел, что ожидал: камеру внутреннего наблюдения. Один из сотрудников службы безопасности отеля наверняка постоянно дежурил у мониторов, и Майк мог поспорить, что Олин сейчас стоит рядом с ним, оба смотрят на него и лыбятся, как обезьяны. «Это отучит его приходить сюда и качать права, да еще и натравливать на нас адвоката», – говорит Олин. «Вы только посмотрите! – восклицает сотрудник службы безопасности, его улыбка становится еще шире. – Бледный, как призрак, а ведь он еще даже не вставил ключ в замок. Вы его уели, босс! Он же дрожит, как лист на ветру».

«Черта с два, – подумал Майк. – Я оставался в доме Рилсби, спал в комнате, где убили двух членов его семьи... именно спал, поверите вы мне или нет. Я провел ночь рядом с могилой Джеффри Дамера и еще одну неподалеку от могилы Г.П. Лавкрафта. Я чистил зубы рядом с ванной, в которой сэр Дэвид Смайт вроде бы утопил обеих своих жен. Я давно уже перестал бояться историй, которые рассказывают у костра в летнем лагере. Будь я проклят, если вы меня уели!»

Он посмотрел на дверь: четкий, безупречный прямоугольник. Пробурчал что-то неразборчивое, вставил ключ в замочную скважину, повернул. Дверь открылась. Майк вошел. Дверь не захлопнулась за ним, пока он искал на стене выключатель, не оставила в полной темноте (кроме того, сквозь окно проникал отсвет огней многоквартирного дома, высящегося напротив отеля). Выключатель он нашел. Когда нажал на клавишу, вспыхнули лампы подвешенной под потолком хрустальной люстры. Зажегся и торшер у стола в дальнем углу комнаты.

Окно располагалось над столом, чтобы тот, кто сидел за ним, мог оторваться от работы и взглянуть на Шестьдесят первую улицу... или спрыгнуть на Шестьдесят первую улицу, если вдруг возникнет такое желание. Только...

Майк поставил чемодан на пол у самого порога, закрыл дверь, нажал клавишу «RECORD». Загорелся маленький красный огонек.

– По словам Олина, шесть человек выпрыгнули из окна, в которое я сейчас смотрю, – начал Майк, – но этим вечером я не собираюсь нырять с четырнадцатого, простите меня, с тринадцатого этажа отеля «Дельфин». Окно забрано стальной или железной решеткой. Безопасность лучше еще одних похорон. По моему разумению, 1408-й относится к категории номеров, которые называются полулюкс. В комнате, где я нахожусь, два стула, диван, письменный стол, стойка с дверцами, за которыми скорее всего телевизор и мини-бар. Ковер на полу ничего особенного собой не представляет, можете мне поверить, не чета персидскому в кабинете Олина. На стенах обои. Они... один момент...

В эту секунду раздается очередной щелчок: Майк вновь нажимает на клавишу «STOP». Собственно, вся запись фрагментарна, состоит из отдельных отрывков, чем разительно отличается от более чем ста пятидесяти кассет, ранее надиктованных Майком и хранящихся у его литературного агента. Более того, с каждым новым отрывком меняется голос. Если начал диктовать человек, занятый важным делом, потом он уступает место другому человеку, совершенно сбитому с толку, плохо соображающему, который, того не замечая, уже разговаривает сам с собой. Рваный ритм записи в сочетании со все более бессвязной речью у большинства слушателей вызывает тревогу. Многие просят выключить пленку задолго до того, как запись, очень короткая, подходит к концу. Словами невозможно адекватно передать нарастающую убежденность слушателя, что диктующий эту странную запись если не сходит с ума, то

определенно утрачивает связь с окружающей его реальностью. Но даже эти слова дают понять: в номере 1408 что-то происходило.

В тот момент, когда Майк выключил мини-диктофон, он заметил картины на стенах. Их было три: дама в вечернем туалете двадцатых годов, стоящая на лестнице, парусник, летящий по волнам, и натюрморт с преобладанием желтого и оранжевого цветов: яблоки, бананы, апельсины. Все под стеклами и скособоченные. Он хотел упомянуть о них, но подумал: а стоит ли наговаривать на пленку про три скособоченные картины? Ведь и про перекошенную дверь хотел наговорить, да только выяснилось, что дверь совсем и не перекошена, просто в какой-то момент его подвели глаза, ничего больше.

Левый верхний угол картины с дамой на ступенях опустился как минимум на дюйм относительно правого. Точно так же висел и парусник, с борта которого пассажиры наблюдали за летающими рыбами. А вот у желто-оранжевых фруктов, Майку казалось, что они освещены жарким экваториальным солнцем, солнцем пустыни, каким рисовал его Пол Боулс, левый верхний угол поднимался над правым. Взгляда, брошенного на картины, хватило, чтобы вновь появилась тошнота. Его это не удивило. Срабатывал рефлекс на определенную ситуацию. Он столкнулся с этим на «КЕ-2». Тогда Майку объяснили, что со временем человек привыкает к качке и «морская болезнь сходит на нет». Но Майк не провел в море достаточно времени, чтобы адаптироваться к качке, да, пожалуй, и не хотел. Вот и не удивился, когда скособоченные картины в гостиной номера 1408 вызвали у него рецидив морской болезни (в данном конкретном случае ее следовало бы назвать сухопутной).

Стекла картин покрывала пыль. По одному он провел пальцами, какое-то время смотрел на две параллельные полосы. На ощупь пыль казалась жирной, склизкой. «Как шелк перед загниванием», – пришло на ум, но и это сравнение он не собирался оставлять на пленке. Откуда он мог знать, каков на ощупь шелк, который вот-вот сгниет? На такие сравнения способен только пьяный.

Поправив картины, он отступил на шаг и вновь внимательно всмотрелся в каждую: женщина в вечернем туалете у двери, ведущей в спальню, пароход, бороздящий одно из семи морей, слева от письменного стола, и наконец, отвратительно нарисованные фрукты у стойки с телевизором. Он ждал, что картины вновь скособочатся, а то и упадут на пол, как это случилось в фильмах вроде «Дома на холме призраков» или в некоторых сериях «Сумеречной зоны», но они висели ровно. При этом он признался себе, что не удивился бы, если б картины скособочились. По собственному опыту знал, что повторяемость заложена в природе вещей: люди, которые бросили курить (не отдавая себе отчета, он коснулся сигареты за ухом), хотят взяться за старое, картины, провисевшие скособоченными со времен, когда Никсон был президентом, стремятся вернуться в привычное положение. «И так они провисели долго, двух мнений тут быть не может, – думал Майк. – Если я сниму их со стен, то увижу за ними более темные, не выцветшие участки обоев. Может, ползут и какие-нибудь жучки-червячки, как бывает, если выворачиваешь из земли камень».

Он и сам не знал, откуда взялась эта шокирующая, отвратительная мысль, но перед мысленным взором возникли слепые белые черви, как гной, выползающие сквозь прямоугольники обоев, прикрытых картинами.

Майк поднес мини-диктофон ко рту, включил его на запись, сказал: «Такие мысли появились у меня в голове стараниями Олина. Он изо всех сил пытался напугать меня, сбить с толку, дезориентировать, и ему это удалось. Я не хотел...» Не хотел чего? Об этом можно только догадываться. Потому что на пленке следует короткая пауза, после которой Майк Энслин говорит ясно и отчетливо, чеканит: «Я должен взять себя в руки. Немедленно», – и следует щелчок выключения записи.

Он закрыл глаза, четыре раза глубоко вдохнул, задерживая воздух на пять секунд, прежде чем выдохнуть его. Раньше ничего похожего с ним не случалось: ни в домах, где вроде бы

обитали призраки, ни на кладбищах или в замках, славящихся тем же. Какие там призраки, скорее речь могла идти о том, что он обкурился низкокачественной травкой.

«Это проделки Олина. Олин загипнотизировал тебя, но ты вырвался из его чар, – послышался в голове внутренний голос. – Ты должен провести чертову ночь в этом номере, и не только потому, что в более интересном месте ты еще не бывал (даже без Олина ты близок к написанию лучшей истории десятилетия о призраках). Главное, ты не должен дать Олину выиграть. Ему и его лживой байке о тридцати людях, которые вроде бы здесь умерли, они не должны победить. Ты окажешься на коне – не он. Поэтому глубокий вдох... выдох. Глубокий вдох... выдох».

Он вдыхал и выдыхал порядка девяноста секунд, и когда вновь открыл глаза, почувствовал себя гораздо лучше, практически пришел в норму. Картины на стенах? Висят прямо. Фрукты в вазе? Такие же желто-оранжевые, разве что еще более отвратительные. Безусловно, фрукты из пустыни. Съешь один, и будешь дристать до посинения.

Он нажал клавишу «RECORD». Зажегся красный огонек. «На минуту-другую у меня закружилась голова. – Он двинулся к письменному столу. – Должно быть, похмелье после олинской болтовни. Но я могу поверить, что почувствовал чье-то присутствие. – Ничего такого он, разумеется, не чувствовал, но это был тот самый случай, когда можно диктовать что вздумается. – Воздух спертый. Но плесенью или пылью не пахнет. Олин говорил, что при уборке номер всякий раз проветривается, но прибираются быстро... и воздух спертый».

На письменном столе стояла пепельница, небольшая, из толстого стекла, какие встретишь в любом отеле, в ней лежал спичечный коробок. Разумеется, с отелем «Дельфин» на этикетке. Перед отелем стоял швейцар в давнишней, расшитой золотом униформе с эполетами, в фуражке, какую сейчас можно увидеть в баре для геев, угнездившейся на голове мотоциклиста, остальной наряд которого может состоять лишь из нескольких серебряных браслетов. По улице перед отелем катили автомобили другой эпохи: «паккарды» и «хадсоны», «студебекеры» и забавные «крайслер-ньюйоркеры».

– Спичечный коробок в пепельнице выглядит, словно перенесся сюда из 1955 года. – Майк сунул его в карман счастливой гавайской рубашки. – Я сохраню это как сувенир. А теперь пора впустить в номер свежий воздух.

Слышится стук, должно быть, он поставил мини-диктофон на письменный стол. Потом пауза, наполненная какими-то звуками, тяжелым дыханием. Наконец, скрип.

– Победа! – слышится издали, но потом голос приближается, должно быть, Майк берет мини-диктофон в руку. – Победа! Нижняя половина не хотела подниматься, словно ее заклинило, но верхняя опустилась без проблем. Я слышу шум транспортного потока на Пятой авеню, автомобильные гудки успокаивают. Где-то играет саксофон, возможно, перед «Плазой» на другой стороне Пятой авеню, через два квартала. Эти звуки напоминают мне о брате.

Майк замолчал, глядя на маленький красный глаз. Вроде бы глаз этот в чем-то его обвинял. Брат? Его брат умер, еще один солдат, павший на табачной войне. И тут же Майк расслабился. Что с того? Были и призрачные войны, в которых Майк Энслин всегда выходил победителем. Что же касается Дональда Энслина...

– В действительности моего брата как-то зимой съели волки на Коннектикутской платной автостраде, – сказал он, рассмеялся и остановил запись. На пленке осталось кое-что еще, немного, конечно, но это было последнее связное предложение, смысл которого могли понять слушатели.

Майк развернулся, посмотрел на картины. Они висели ровно, хорошие маленькие картины. Застывшая жизнь... до чего же она отвратительна!

Он включил запись и произнес два слова: «Пылающие апельсины», нажал на клавишу «STOP», направился к двери, ведущей к спальне. Остановился около дамы в вечернем платье, а затем сунулся в темноту, ища на стене выключатель. Ему хватило мгновения, чтобы понять (на

ощупь они как кожа, старая мертвая кожа) – с обоями, по которым скользила его ладонь, что-то не так, а потом пальцы нащупали выключатель. Спальню залил желтый свет подвешенной под потолком хрустальной люстры, чуть меньших размеров, чем в гостиной. На двуспальной кровати лежало желто-оранжевое покрывало.

«Зачем говорить прячесь?» – спросил Майк в мини-диктофон и опять выключил запись. Переступил порог, зачарованный пылающей пустыней покрывала, холмами выпирающих из-под него подушек. Спать здесь? Ни в коем разе, сэр. Все равно что спать в гребаной застывшей жизни, спать в ужасной жаркой комнате Пола Боулса, которую ты не можешь увидеть, комнате для сумасшедших, лишенных гражданства англичан, слепых от сифилиса, которым они заразились, трахая своих матерей, киноверсия с участием Лоренса Харви или Джереми Айронса, любого из этих актеров, ассоциирующихся с извращениями...

Майк нажал клавишу «RECORD», увидел загоревшийся красный глазок, сказал: «Орфей на орфейном кругу!» – и выключил запись. Приблизился к кровати. Покрывало желто-оранжево блестело. Обои, возможно, кремовые при дневном свете, впитали в себя желто-оранжевое сияние покрывала. По обе стороны кровати стояли тумбочки. На одной Майк увидел телефонный аппарат, черный, большой, с наборным диском. Отверстия для пальцев на диске напоминали удивленные белые глаза. На другой – блюдо со сливой. Майк включил запись: «Это не настоящая слива. Это пластмассовая слива», – и опять нажал на клавишу «STOP».

На покрывале лежало меню, которое желающие получить завтрак в номер оставляли на ручке двери. Майк присел на край кровати, стараясь не притрагиваться ни к ней, ни к стене, поднял меню. Старался не притрагиваться и к покрывалу, но провел по нему подушечками пальцев и застонал. Прикосновение вызвало у него ужас. Тем не менее он уже держал меню в руке. Увидел, что оно на французском, и хотя прошли годы с тех пор, как он изучал этот язык, понял, что одно из блюд, предлагавшихся на завтрак, – птицы, запеченные в дерьме. «Французы могут есть и такое», – подумал он, и безумный смех сорвался с его губ.

Он закрыл глаза, открыл.

Французский язык сменился русским.

Закрыл глаза, открыл.

Русский сменился итальянским.

Закрыл глаза, открыл.

Меню исчезло. С картинки на Майка смотрел маленький мальчик, с криком оглядывающийся на волка, вцепившегося в его левую ногу чуть повыше колена. Волк не отрывал взгляда от мальчика и напоминал терьера со своей любимой игрушкой.

«Я ничего этого не вижу», – подумал Майк, и, разумеется, не видел. Если он не закрывал глаз, то держал в руке меню с аккуратными английскими строчками, каждая из которых предлагала полакомиться за завтраком тем или иным творением кулинарного искусства. Яйца во всех видах, вафли, свежие ягоды – никаких птиц, запеченных в дерьме. Однако...

Он повернулся, осторожно выскользнул из зазора между стеной и кроватью, который теперь казался узким, как могила. Сердце билось так сильно, что каждый удар отдавался не только в груди, но и в шее и запястьях. Глаза пульсировали в глазницах. С 1408-м что-то не так, определенно что-то не так. Олин говорил про отравляющий газ, и теперь Майк на себе убедился в его правоте: кто-то заполнил номер этим газом или сжег гашиш, щедро сдобренный ядом для насекомых. Все это, разумеется, проделки Олина, которому, конечно же, с радостью помогали сотрудники службы безопасности. Газ закачали через вентиляционные воздуховоды. Он не видел решеток, которые их закрывали, но сие не означало отсутствия в номере таковых.

Широко раскрывшимися испуганными глазами Майк оглядел спальню. С тумбочки, стоявшей слева от кровати, исчезла слива. Вместе с блюдом. Он видел лишь гладкую полированную поверхность. Майк повернулся, направился к двери, остановился. На стене висела картина. Полной уверенности у него не было, в таком состоянии он уже не мог бы твердо назвать и

собственное имя, но вроде бы, войдя в спальню, никакой картины не заметил. Опять застывшая жизнь. Одна-единственная слива на оловянной тарелке посреди старого, грубо сколоченного из досок стола. На сливу и тарелку падал будоражащий желто-оранжевый свет.

«Танго-свет, – подумал Майк. – Свет, который заставляет мертвых подниматься из могил и танцевать танго. Свет, который...»

– Я должен выбраться отсюда, – прошептал он и, пошатываясь, вышел в гостиную. Вдруг осознал, что каждый шаг сопровождается чавкающими звуками, а пол становится все мягче.

Картины на стенах скособочились, но на этом изменения не закончились. Дама на лестнице стянула платье вниз, обнажила груди. Приподняла их руками. С сосков свисали капли крови. Смотрела она прямо в глаза Майку и яростно улыбалась, скаля зубы. На паруснике вдоль планшiria рядом выстроились бледные мужчины и женщины. Крайний слева мужчина, стоящий у самого носа, в коричневом костюме из шерстяной материи держал в руке шляпу. Расчесанные на прямой пробор волосы липли ко лбу. В лице читались ужас и пустота. Майк узнал его: Кевин О'Молли, первый жилец номера 1408, который выпрыгнул из этого окна в октябре 1910 года. Рядом с О'Молли стояли все те, кто отправился из этого номера в мир иной, выражением лиц они ничем не отличались от О'Молли. Поэтому напоминали родственников, создавали впечатление, будто являются членами большой семьи.

На третьей картине фрукты сменила отрубленная человеческая голова. Желто-оранжевый свет падал на запавшие щеки, запекшиеся губы, уставившиеся вверх, поблескивающие глаза, сигарету, заткнутую за правое ухо.

Майк рванулся к двери. Чавканье при каждом шаге усиливалось, ноги даже проваливались в пол-трясину. Дверь, понятное дело, не открылась. Майк не запер ее ни на замок, ни на цепочку, но она не желала открываться.

Тяжело дыша, Майк отвернулся от нее и побрел через гостиную к письменному столу. Видел, как колышутся занавески от притока воздуха через открытое окно, сам его открывал, но не чувствовал ни малейшего дуновения. словно комната проглатывала свежий воздух. Слышал автомобильные гудки на Пятой авеню, но доносились они из далекого далека. А саксофон? Если звуки музыки и долетали до окна, комната крала мелодию, оставляя лишь мерное гудение. Так гудел бы ветер в продырявленной шее мертвеца, или в кувшине, наполненном отрубленными пальцами, или...

«Прекрати», – попытался сказать он, да только лишился дара речи. Сердце билось с невероятной частотой, если бы чуть-чуть ускорило бег, непременно разорвалось. Он больше не сжимал в руке мини-диктофон, верный спутник всех походов по «местам боевой славы». Где-то оставил. Если в спальне, то его уже наверняка нет, комната проглотила, чтобы переваренное высрать в одну из картин.

Жадно ловя ртом воздух, как бегун в конце длинной дистанции, Майк прижал руку к груди, чтобы чуть успокоить сердцебиение. И нащупал в левом нагрудном кармане цветастой рубашки «коробок» мини-диктофона. Прикосновение к прочному и знакомому в какой-то степени привело его в чувство. Как выяснилось, он что-то бубнил себе под нос, а комната бубнила в ответ, словно миллионы ртов скрывались под отвратительными на ощупь обоями. До него вдруг дошло, что его сильно мутит и желудок готов вот-вот вывернуться наизнанку. Он чувствовал, что воздух сгущается, заполняя уши, превращаясь в вату.

Но в какой-то мере все-таки пришел в себя, во всяком случае, осознал: надо позвать на помощь, пока еще есть время. Мысль об ухмыляющемся Олине (как умеют ухмыляться менеджеры нью-йоркских отелей), о словах, которые он всенепременно услышит: «Я же вас предупреждал», – более не тревожила его, идея, что Олин вызвал эти странные ощущения, закачав через вентиляционную систему отравляющий газ, вылетела из головы. Причина, конечно же, была в самом номере. Этом чертовом номере.

Он хотел резко протянуть руку к телефонному аппарату, двойнику того, что стоял в спальне, схватить трубку. В действительности же наблюдал, как рука плавно, будто в замедленной съемке, движется к столу – прямо-таки рука ныряльщика. Его даже удивило, что не видно пузырьков воздуха.

Пальцы сжались на трубке, подняли ее. Другая рука так же медленно двинулась к диску, набрала 0. Поднеся трубку к уху, он услышал серию щелчков: диск возвращался в первоначальное положение. Совсем как в «Колесе фортуны»: вы хотите вращать колесо или назовете слово? Помните, если вы попытаетесь назвать слово и ошибетесь, вас оставят в снегу рядом с Коннектикутской платной автострадой, на съедение волкам.

Гудка он не услышал. Зато в трубке раздался хриплый голос: «Это девять! Девять! Это девять! Девять! Это десять! Десять! Мы убили всех твоих друзей! Все твои друзья уже мертвы! Это шесть! Шесть!»

С нарастающим ужасом Майк вслушивался не в голос, а в заполняющую его пустоту. То был голос не машины, не человека – самого номера. Это неведомое изливалось из стен и пола, говорило с ним по телефону и не имело ничего общего ни с призраками, ни с паранормальными явлениями, о которых ему доводилось читать. Он столкнулся с чем-то совершенно чужим, рожденным не на Земле.

«Нет, его пока еще нет... но это нечто приближается. Оно голодно, а ты – обед».

Телефонная трубка вывалилась из разжавшихся пальцев, и Майк обернулся. Трубка болталась на конце провода, а желудок Майка сжимался и разжимался. Он слышал доносящиеся из трубки хрипы: «Восемнадцать! Уже восемнадцать! Укройся, когда раздастся сирена! Это четыре! Четыре!»

Не отдавая себе отчета, он достал сигарету из-за уха, сжал губами, вытащил из нагрудного кармана цветастой рубашки коробок спичек с золоченым швейцаром на этикетке – после девяти лет воздержания решился-таки закурить.

Комната перед ним начала расплываться.

Прямые углы и линии уступали место не кривым, а мавританским аркам, от взгляда на которые болели глаза. Хрустальная люстра под потолком трансформировалась в большую каплю слюны. Картины стали искривляться, принимая форму ветрового стекла автомобиля. На картине, что висела у двери в спальню, женщина в вечернем платье двадцатых годов, с кровотокающими сосками, скалящая зубы, повернулась и побежала вверх по лестнице, высоко вскидывая колени, – «женщина-вамп» из немого фильма. Телефон продолжал хрипеть, доносящиеся из трубки звуки буравили барабанные перепонки: «Пять! Это пять! Не обращай внимания на сирену! Даже если ты уйдешь из этого номера, ты никогда не покинешь этот номер! Восемь! Это восемь!»

Двери в спальню и в коридор сжались по высоте, расширились посередине, словно предназначались для бочкообразных существ. Свет становился ярче и жестче, наполняя комнату желто-оранжевым сиянием. Теперь Майк видел разрывы в обоях, черные поры, каждая из которых быстро превращалась в рот. Пол прогнулся вниз, Майк уже отчетливо чувствовал, что нечто совсем рядом, обитатель комнаты, существо, живущее в стенах, обладатель хриплого голоса. «Шесть! – орал телефон. – Шесть, это шесть, это гребаные ШЕСТЬ!»

Он посмотрел на коробок спичек в руках, тот самый, что взял с пепельницы на письменном столе. Забавный старый швейцар, забавные старые автомобили с хромированными радиаторными решетками... и слова, бегущие под картинкой, которых он давно уже не видел, потому что теперь абразивная полоска размещалась на оборотной стороне.

«ЗАКРОЙТЕ КОРОБОК ПЕРЕД ТЕМ, КАК ЧИРКАТЬ СПИЧКОЙ».

Не думая, думать он уже не мог, Майк Энслин взял спичку, одновременно разлепив губы, отчего сигарета упала на пол. Чиркнул спичкой по абразивной полоске и тут же поднес ее к серным головкам остальных. «Ф-ф-ф-р-р» – вспыхнули спички, в голову ударили запахи горячей серы и нюхательной соли, яркий огонь заставил прищуриться. И также не думая, Майк поднял пылающий коробок к своей рубашке. Дешевая, сшитая в Корее, Камбодже или на Борнео, прослужившая ему не один год, рубашка мгновенно вспыхнула. Но прежде чем пламя достигло глаз, отсекая от него комнату, Майк увидел ее ясно и отчетливо, как человек, пробудившийся от кошмара, чтобы обнаружить, что кошмар окружает его со всех сторон.

Голова прочистилась, сильный запах серы и поднимающийся от горячей рубашки жар тому поспособствовали, но в гостиную по-прежнему присутствовали безумные мавританские мотивы. Конечно, не мавританские, это определение и близко не подходило, но не было другого слова, которое хоть в малой степени описывало происшедшее здесь... по-прежнему происходящее. Он находился в меняющейся на глазах, гниющей пещере, пол, стены и потолок которой были в непрерывном движении, изгибались под немыслимыми углами. Дверь в спальню теперь вела во внутреннюю камеру саркофага. По его левую руку стена, на которой висел натюрморт, наклонялась к нему, шла трещинами, напоминающими большие рты, открывающиеся в мир, из которого приближалось нечто. Майк Энслин слышал его слюнявое, алчное дыхание, в нос бил запах чего-то живого и опасного. Почти такой же запах шел из львиной клетки в...

Языки пламени, начавшие лизать подбородок, оборвали мысль. Жар горячей рубашки вернул его в реальный мир, и, учуяв запах загоревшихся на груди волос, Майк вновь рванулся по ковру к двери в коридор. Стены с жужжанием завибрировали. Желто-оранжевый свет достиг пика яркости, словно чья-то рука до предела повернула невидимый реостат. На этот раз, когда он добрался до цели и повернул ручку, дверь открылась. Словно нечто потеряло всякий интерес к горящему человеку, – возможно, не любило жареного мяса.

3

Популярная песня пятидесятих утверждала, что любовь заставляет мир вращаться, хотя на эту роль куда больше подходит совпадение. Руфус Диаборн, который занимал номер 1414, работал коммивояжером в компании «Швейные машинки «Зингер». В Нью-Йорк приехал из Техаса, чтобы переговорить с руководством компании о переходе на должность управляющего. Так вот и вышло, что спустя девяносто лет после того, как первый жилец номера 1408 выпрыгнул в окно, другой продавец швейных машинок спас жизнь человеку, собиравшемуся написать главу книги о гостиничном номере, в котором обитали призраки. Возможно, это преувеличение. Майк Энслин, наверное, мог выжить, даже если бы в коридоре никого не оказалось, в частности коммивояжера, который возвращался в свой номер с ведерком, полным кубиков льда, выданных ему морозильным автоматом. Однако горящая на теле рубашка – не шутка, и Майк наверняка получил бы более серьезные и глубокие ожоги, если бы не Диаборн, который думал быстро, а действовал еще быстрее.

Надо отметить, Диаборн и сам в точности не помнил, как все произошло. Он придумал достаточно связную историю для газет и телевидения (роль героя ему очень даже приглянулась, опять же она повысила его шансы на высокую должность), и он отчетливо помнил, как в коридор выбежал объятый огнем человек. А вот после этого все ушло в туман. Он пытался восстановить цепочку событий, но получалось плохо. Так бывает, когда утром, с сильного похмелья, стараешься вспомнить, что же ты учудил прошлым вечером.

В одном он, правда, был уверен, но репортерам об этом ничего не сказал, потому что не мог найти логического объяснения. Крик горящего мужчины с каждым мгновением становился все громче, словно он видел перед собой не человека, а стереопроектор и кто-то

поворачивал и поворачивал верньер звука. Выскочивший в коридор мужчина орал на одной ноте, но все громче и громче. Как такое могло быть, Диаборн понять не мог.

Но в тот момент он об этом и не думал. Бросился к горящему человеку с ведерком, полным кубиков льда. Этот мужчина («У него горела только рубашка, я это сразу понял», – рассказывал Диаборн репортерам) ударился в дверь напротив той, из которой выбежал, его отбросило назад, он покачнулся, упал на колени. В это время к нему и подскочил Диаборн. Уперся ногой в плечо, толчком уложил на ковер. А потом вывалил на него содержимое своего ведерка.

Все это он уже помнил достаточно смутно. Правда, в памяти отложилось, что горящая рубашка излучала слишком уж много света, желто-оранжевого, напомнившего ему о путешествии в Австралию, куда они с братом ездили два года назад. Они взяли напрокат внедорожник и пересекли Великую австралийскую пустыню (некоторые туземцы, как выяснили братья Диаборны, называли ее Великим австралийским гнездом содомитов). Поездка удалась, впечатлений осталось масса, но иной раз было страшно. Особенно у большой горы в центре пустыни, Айерс-Рок⁵. Они подъехали к ней на закате солнца, и свет на высеченных на ее отвесных склонах мужских лицах... горячий и странный... заставлял думать, что он вовсе и не земной...

Он опустился на колени рядом с уже не горящим, а дымящимся, засыпанным кубиками льда мужчиной, перевернул на живот, чтобы погасить несколько язычков огня, добравшихся до спины. При этом заметил, что левая сторона шеи обгорела сильно, так же как и мочка уха, но в остальном, остальном...

Диаборн поднял голову, и ему показалось... безумие, конечно, но показалось, что комната, из которой выбежал мужчина, заполнена светом австралийского заката, горящим светом пустыни, где могли жить существа, никогда не попадавшие на глаза человеку. Он был ужасен, этот свет (как и низкое гудение, похожее на то, что слышится около линии электропередачи), но зачаровывал. Ему захотелось войти в распахнутую дверь. Посмотреть, что за ней.

Возможно, Майк тоже спас жизнь Диаборну. Заметил, как Диаборн поднимается, словно потерял к нему, Майку, всякий интерес, а на его лице отражается полыхающий, пульсирующий свет, идущий из номера 1408. Он запомнил это даже лучше самого Диаборна, но, разумеется, Руфусу Диаборну не пришлось поджигать себя, чтобы выжить.

Майк схватил Диаборна за штанину.

– Не ходите туда, – просипел он. – Вы оттуда не выйдете.

Диаборн остановился, посмотрел на красное, в волдырях лицо лежащего на ковре мужчины.

– Там призраки, – добавил Майк, и словно эти слова были заклинанием, дверь в 1408-й захлопнулась, отсекая свет и гудение.

Руфус Диаборн, один из лучших коммивояжеров компании «Швейные машинки «Зингер», побежал к лифтам и нажал кнопку пожарной тревоги.

4

В шестнадцатом номере журнала «Лечение ожоговых больных: диагностический подход» есть любопытная фотография Майка Энслина. Эта публикация появилась через шестнадцать месяцев после короткого пребывания Майка в номере 1408 отеля «Дельфин». На фотографии виден только торс, но это Майк, можно не сомневаться. Доказательство – белый квадрат на левой груди. Кожа вокруг ярко-красная, в некоторых местах волдыри. Белый квадрат аккурат

---

⁵ Айерс-Рок – самый большой в мире монолит из песчаника высотой до 348 м, длиной 3,6 км, шириной 2,9 км, общей площадью 486 га. Известная туристическая достопримечательность, меняет цвет в зависимости от освещения в течение суток.

под нагрудным карманом счастливой рубашки, которая была на Майке в тот вечер. В этом самом кармане и лежал мини-диктофон.

Он оплавился по углам, но по-прежнему работает, и пленка осталась в прекрасном состоянии. Чего нельзя сказать о том, что на ней записано. Агент Майка, Сэм Фаррелл, засунул кассету с записью в стенной сейф, отказываясь признавать, что от услышанного у него по коже побежали мурашки. В том сейфе она и лежит. У Фаррелла нет ни малейшего желания доставать ее и прослушивать самому или в компании друзей. Хотя некоторые из них сильно донимают его такими просьбами. Нью-Йорк – город маленький. Слухи разносятся быстро.

Ему не нравится голос Майка на пленке, ему не нравятся фразы и слова, которые произносит этот голос («Моего брата как-то зимой съели волки на Коннектикутской платной автострате...» – и что, скажите на милость, сие должно означать?), но больше всего ему не нравится шумовой фон... какое-то чавканье, бульканье, электрическое гудение... иногда что-то похожее на голос.

Майк еще находился в больнице, когда некий мужчина, Олин, подумать только, менеджер этого чертова отеля, пришел к Сэму Фарреллу и попросил разрешения прослушать запись. Фаррелл ответил отказом и посоветовал Олину как можно скорее выметаться из его кабинета и всю дорогу до своего клоповника благодарить Бога, что Майк Энслин решил не подавать в суд ни на Олина, ни на отель за преступную халатность.

– Я пытался убедить его не заходить в этот номер, – спокойно ответил Олин. Он привык выслушивать жалобы постояльцев на что угодно, начиная от вида из окон и заканчивая подбором журналов в газетном киоске, поэтому отповедь Фаррелла не произвела на него впечатления. – Я сделал все, что мог. Если кого и можно обвинять в преступной халатности, так это вашего клиента, мистер Фаррелл. Он слишком уж верил, что там ничего нет. Очень неблагодарное поведение. Очень небезопасное поведение. Полагаю, теперь он получил хороший урок.

Несмотря на отвращение к записи, Фарреллу хотелось, чтобы Майк прослушал ее, обдумал, возможно, использовал как трамплин для написания новой книги. Книги о том, что случилось с Майком, не просто сорокастраничной главы, одной из десяти, а целой книги. Тираж которой, по мнению Фаррелла, оставит далеко позади тиражи всех трех уже изданных книг, вместе взятых. Разумеется, он не верит заявлению Майка, что писать тот больше не будет, не только книги о призраках, но и вообще. Такое время от времени говорят все писатели. Подобные выходки в духе примадонны и указывают на то, что имеешь дело с настоящим писателем.

Что же касается Майка Энслина, то ему, можно сказать, еще повезло. И он это знает. Он мог бы обгореть куда сильнее. Если бы не мистер Диаборн и его ведро со льдом, ему пришлось бы пройти через двадцать, а то и тридцать операций по пересадке кожи, вместо четырех. На левой стороне шеи пока остались рубцы, но доктора из Бостонского ожогового института заверили Майка, что со временем они сами по себе побелеют. Он также знает, что именно ожоги, при всей своей болезненности, при том, что заживали многие недели и месяцы, спасли ему жизнь. Если бы не спички с надписью «ЗАКРОЙТЕ КОРОБОК ПЕРЕД ТЕМ, КАК ЧИРКАТЬ СПИЧКОЙ» на этикетке под изображением отеля «Дельфин», он был умер в номере 1408, и конец бы его ждал жуткий. Нет, врач зафиксировал бы инсульт или инфаркт, но в действительности смерть ему выпала бы гораздо более страшная.

Куда как более страшная.

Ему также повезло, что он опубликовал три книги о призраках до того, как сдуру вломился туда, где действительно обитало что-то непознанное... он знает и об этом. Сэм Фаррелл, возможно, не верит, что Майк как писатель кончился, но это не так и важно. Майк знает, и достаточно. Он не может написать почтовую открытку, не почувствовав, как его прошибает холодный пот, а желудок болезненно сжимается. Иногда одного взгляда на ручку (или на магнитофон) хватает, чтобы в голове мелькнула мысль: «Картины скособочились. Я пытался их выровнять». Он не знает, что это означает. Он не может вспомнить картины или что-то еще

из интерьера номера 1408, и рад. Это счастье. С давлением в эти дни у него не очень (врач сказал ему, что после заживления ожогов у пациентов часто повышается давление, и назначил медикаментозное лечение), зрение тоже подводит (офтальмолог прописал капли), побаливает спина, увеличилась простата... но с этим можно жить. Майк знает, что он – не первый, который вышел из номера 1408, в действительности не покинув его, Олин пытался ему это сказать, но все не так уж и плохо. По крайней мере он не помнит. Иногда ему снятся кошмары, довольно часто (фактически каждую ночь, каждую гребаную ночь), но он редко помнит их, когда просыпается. Остается лишь ощущение, что все углы закруглялись, оплывали, как закруглились, оплыли от жара углы мини-диктофона. Сейчас он живет на Лонг-Айленде и, если погода хорошая, подолгу гуляет вдоль берега. На одной из таких прогулок ему удалось внятно сформулировать впечатления, оставшиеся от короткого (семьдесят минут) пребывания в номере 1408. «В ней не было ничего человеческого, – срывающимся голосом поведал он набегающим волнам. – Призраки... они хоть когда-то были людьми. А эта тварь в стене... эта тварь...»

Со временем его состояние улучшится, он, во всяком случае, на это надеется. Время затянет туманом случившееся, как уберет красноту со шрамов на его шее. А пока он спит, не выключая света в спальне, чтобы сразу понять, где находится, когда проснется от кошмара. Он убрал из дома все телефоны, потому что где-то в подсознании засел страх, боязнь, сняв трубку, услышать гудящий, хриплый, нечеловеческий голос: «Это девять! Девять! Мы убили всех твоих друзей! Все твои друзья уже мертвы!»

А когда ясным вечером солнце скатывается к горизонту, он закрывает все жалюзи и шторы. Сидит в темноте, пока часы не подсказывают ему, что день полностью сдал вахту ночи, светлой полоски не осталось даже там, где земля встречается с небом.

Его глаза не выносят заката света.

Желтого, переходящего в оранжевый, как свет в австралийской пустыне.

«Мясорубка»

Когда мы с братом Дэвидом были маленькие, наша мать работала на гладильном прессе в прачечной «Стратфорд лондри» в Стратфорде, штат Коннектикут. Она нам говорила, что есть такая машина, которую работники называют «мясорубка», и она опасна. Я тогда еще думал: «С таким названием – как ей не быть опасной?»

Мама уработывалась до смерти – и там, и в других прачечных с минимальной зарплатой, – чтобы ее мальчики могли закончить колледж. И первую работу после колледжа я нашел... в прачечной. В основном я занимался простынями из мотелей – суровая специальность, друзья мои! – но «мясорубку» мне приходилось видеть каждый день: конец; где осуществлялась подача белья, был всего в тридцати футах от моей большой автоматической стиралки. Она и вправду была опасной. Подтверждением тому был один из мастеров, Гарри Кросс, у которого вместо рук были крючья. Как-то в субботу во время Второй мировой войны он в нее свалился, как раз когда она работала. Так ему и достались крючья, которые он иногда держал под кранами умывальника в туалете (левый крюк под ГОРЯЧАЯ, правый под ХОЛОДНАЯ), а потом неожиданно прикладывал к спине какой-нибудь работающей на «мясорубке» девчонки. Сейчас такое называется «сексуальным домогательством», а Гарри это называл «подурачиться». Я не принимал ничью сторону; только все ломал голову, как он себе утром галстук завязывает (иногда меня интересовали и другие процессы, но не будем углубляться).

Учитывая мою привычку вообразить себе худшее, можно не удивляться, что я представил себе «мясорубку»-вампира. Может быть, неудивительно и то, что получившийся рассказ стал фильмом. Тоуб Хупер, который его снимал, в каком-то роде гений – «Техасская резня бензопилой» не оставляет в этом сомнений. Но когда гения заносит не туда – спасайся, кто может. Киноверсия «Мясорубки» энергична и красочна, но все-таки это каша, по которой пробирается Роберт (Фредди Крюгер) Инглунд, преследуя цели, которые мне неясны даже и сейчас. Кажется, он был одноглазый и хромым, но тут я могу ошибиться.

Видеоряд фильма сюрреалистичный, декорации – сногшибательные, но где-то в процессе (быть может, из-за огромного количества пара, выпускаемого механической звездой фильма) сама история затерялась. Невероятно жаль, потому что со «Жребием Салема» в его первом мини-сериальном воплощении Хупер сотворил чудо. Когда люди говорят о моих персонажах или сценах, напугавших их с экрана, они обычно вспоминают клоуна Пеннивайза, потом Кэти Бейтс в роли Энни Уилкс, а потом – парящих за окном вампиров из «Жребия».

Таких нестираемых образов в «Мясорубке» нет, но я все равно считаю ее лучшим рассказом из всех вами читанных, в которых гладильная машина так выглаживает сюжет. Ха-ха.

Давилка

Офицер полиции Хантон добрался до фабрики-прачечной как раз в тот момент, когда от нее отъезжала машина «Скорой» – медленно, без воя сирены и мигалок. Дурной знак. Внутри, в конторе, толпились люди, многие плакали. В самой же прачечной не было ни души, а в самом дальнем конце помещения все еще работали огромные автоматические стиральные машины. Хантону это очень не понравилось. Толпа должна быть на месте происшествия, а не в офисе. Так уж повелось – животное под названием «человек» испытывало врожденное стремление любоваться останками. Стало быть, дела очень плохи. И Хантон почувствовал, как защемило у него в животе; так случалось всегда, когда инцидент бывал серьезным. Очень серьезным. И даже четырнадцать лет службы, связанной с уборкой человеческих останков с мостовых и улиц, а также с тротуаров возле очень высоких зданий, не смогли отучить желудок Хантона от этой скверной привычки. Точно в нем гнезился какой-то маленький дьяволенок.

Мужчина в белой рубашке увидел Хантона и нерешительно двинулся ему навстречу. Бык, а не парень, с головой, глубоко ушедшей в плечи, с носом и щеками, покрытыми мелкой сетью полопавшихся сосудов – то ли от высокого кровяного давления, то ли от слишком частого общения с бутылкой. Он попытался сформулировать какую-то мысль, но обе попытки оказались неудачными, и Хантон, перебив его, спросил:

– Вы владелец? Мистер Гартли?

– Нет... Нет, я Стэннер, прораб. Господи, это же просто...

Хантон достал блокнот.

– Пожалуйста, покажите, где это произошло. И расскажите, как именно.

Казалось, Стэннер побледнел еще больше – красноватые пятна на носу и щеках стали ярче и походили теперь на родимые.

– А я... э-э... должен?

Хантон приподнял брови.

– Боюсь, что да. Мне звонили и сказали, что все очень серьезно.

– Серьезно... – Похоже, Стэннер старался справиться с приступом тошноты – кадык так и заходил вверх и вниз, словно игрушечная обезьянка на палочке. – Погибла миссис Фраули. Господи, какой ужас! И Билла Гартли, как назло, не было...

– А как именно это случилось?

– Пойдемте... покажу, – сказал Стэннер.

И повел Хантона вдоль ряда ручных прессов, аппарата для складывания рубашек, а потом остановился возле стиральной машины. И поднес дрожащую руку ко лбу.

– Дальше сами, офицер. Я не могу... снова смотреть на это. У меня от этого... Просто не могу, и все. Вы уж извините.

Хантон прошел вперед, испытывая легкое чувство презрения к этому человеку. Содержат какую-то фабричку с жалким изношенным оборудованием, увиливают от налогов, пропускают горячий пар по всем этим трубам, работают с вредными химическими веществами без должной защиты, и в результате, рано или поздно, несчастный случай. Кто-нибудь ранен. Или умирает. А они, видите ли, не могут на это смотреть. Не могут...

И тут Хантон увидел.

Машина все еще работала. Никто так и не потрудился выключить ее. При ближайшем рассмотрении она оказалась ему знакома: полуавтомат для сушки и глаженья белья фирмы «Хадли-Уотсон», модель номер шесть. Вот такое длинное и нескладное название. Люди, работающие в этом пару и сырости, придумали ей лучшее имя: «Мясорубка»...

Секунду-другую Хантон смотрел на все это точно завороченный, затем с ним случилось то, чего еще не случалось на протяжении четырнадцати лет безупречной службы в полиции, — он поднес трясущуюся руку ко рту, и его вырвало.

— Ты почему почти ничего не ел? — спросил Джексон.

Женщины ушли в дом, гремели там тарелками и болтали с детьми, а Джон Хантон и Марк Джексон остались сидеть в саду, в шезлонгах, возле дымящегося ароматного барбекю. Хантон улыбнулся краешками губ. Он не съел ни крошки.

— День выдался тяжелый, — ответил он. — Хуже еще не бывало.

— Автокатастрофа?

— Нет. Несчастный случай на производстве.

— Много крови?

Хантон ответил не сразу. Лицо его исказила страдальческая гримаса. Он достал пиво из стоявшего рядом дорожного холодильника, открыл бутылку и, не отрываясь, выпил половину.

— Полагаю, у вас в колледже профессура не слишком знакома с фабриками-прачечными?

Джексон хмыкнул:

— Отчего же, лично я очень даже знаком. Как-то студентом ишачил все лето, подрабатывая в прачечной.

— Тогда тебе должна быть известна машина под названием «полуавтомат для скоростного глаженья и сушки»?

Джексон кивнул:

— Конечно. Через нее прогоняют мокрое белье, в основном простыни и скатерти. Большая, длинная такая машина.

— Совершенно верно, — сказал Хантон. — И вот в нее угодила женщина по имени Адель Фраули. В прачечной под названием «Блю риббон»⁶. Ее туда затащило.

Джексон побелел.

— Но... этого просто не могло случиться, Джонни. Технически невозможно. Там имеется предохранительное устройство, рычаг безопасности. Если женщина, подающая белье на сушку, вдруг нечаянно сунет туда руку, оно тут же срабатывает и выключает машину. По крайней мере так было на моей памяти.

— На этот счет и закон существует, — кивнул Хантон. — И тем не менее несчастье произошло.

Хантон устало закрыл глаза, и в темноте перед его мысленным взором снова возникла скоростная сушилка «Хадли-Уотсон», модель номер шесть. Длинная, прямоугольной формы коробка размером тридцать на шесть футов. С того конца, где осуществляется подача белья, непрерывной лентой ползет полотно, над ним, под небольшим углом, предохранительный рычаг. Полотняная лента конвейера с размещенными на нем сырыми и измятыми простынями приводится в движение шестнадцатью огромными вращающимися цилиндрами, которые и составляют основу машины. Сначала белье проходит над восемью цилиндрами сверху, потом — под восемью снизу, сжимаясь между ними, точно тоненький ломтик ветчины между двумя кусочками разогретого хлеба. Температура пара в цилиндрах может достигать 300 градусов по Фаренгейту — это максимум. Давление на ткань, разложенную на ленте конвейера, составляет около 200 фунтов на каждый квадратный фут белья — таким образом оно не только сушится, но и разглаживается до самой последней мелкой складочки.

И вот неким непонятным образом туда затащило миссис Фраули. Стальные детали, а также цилиндры с асбестовым покрытием были красными, точно свежеекрашенный амбар, а пар, поднимавшийся от машины, тошнотворно пахивал кровью. Обрывки белой блузки и

---

⁶ «Blue Ribbon» — «Голубая лента».

синих джинсов миссис Фраули, даже клочки бюстгалтера и трусиков выбросило из машины на дальнем ее конце, футах в тридцати; более крупные клочья ткани, забрызганные кровью, были с чудовищной аккуратностью разглажены и сложены автоматом. Но даже это еще не самое худшее...

– Машина пыталась сложить и разгладить все, – глухо произнес Хантон, чувствуя во рту горьковатый привкус. – Но ведь человек... это тебе не простынка, Марк. И то, что осталось от нее... – Подобно Стэннеру, незадачливому прорабу, он никак не мог закончить фразы. – Короче, ее выносили оттуда в корзине... – тихо добавил он.

Джексон присвистнул:

– Ну и кому теперь намылят шею? Хозяину прачечной или государственной инспекционной службе?

– Пока не знаю, – ответил Хантон. Чудовищная картина все еще стояла перед глазами. Машина-«мясорубка», постукивая, шипя и посвистывая, гнала себе ленту конвейера, с бортов, покрашенных зеленой краской, стекали потоки крови, и еще этот запах, жуткий запах пригорелой плоти... – Все зависит от того, кто дал добро на этот долбанный рычаг безопасности, а также от конкретных обстоятельств происшествия.

– Ну а если виноват управляющий, выпутаться они смогут, ты как считаешь?

Хантон мрачно усмехнулся:

– Женщина умерла, Марк. Если Гартли и Стэннер сэкономили на технике безопасности, на текущем ремонте и поддержании этой гладилки в нормальном состоянии, им светит тюрьма. И не важно, кто из их дружков сидит в городском совете. Все равно не поможет.

– А ты считаешь, они сэкономили?

Хантон вспомнил помещение «Блю риббон» – плохо освещенное, с мокрыми и скользкими полами, старым изношенным оборудованием.

– Полагаю, что да, – тихо ответил он.

Они поднялись и направились к дому.

– Держи меня в курсе дела, Джонни, – сказал Джексон. – Все же любопытно, как будут развиваться события.

Но Хантон заблуждался относительно машины-«мясорубки». Ей, фигурально выражаясь, удалось выйти сухой из воды.

Гладилку-полуавтомат осматривали шесть независимых государственных экспертов, деталь за деталью. И все они сошлись во мнении, что механизм абсолютно исправен. Предварительное следствие вынесло вердикт: смерть в результате несчастного случая.

После слушаний совершенно потрясенный Хантон припер, что называется, к стенке одного из инспекторов, Роджера Мартина. Этот Мартин был та еще штучка. Словно высокий бокал, воды в котором не больше, чем в низеньком, – слишком уж толстое двойное дно. Хантон задавал ему вопросы, а он поигрывал шариковой ручкой.

– Ничего? С этой машиной абсолютно все нормально?

– Абсолютно, – ответил Мартин. – Ну, естественно, вся загвоздка, вся суть, так сказать, дела сводилась к рычагу безопасности. Его проверили самым тщательным образом, и выяснилось, что он находится в прекрасном рабочем состоянии. Вы же сами слышали свидетельские показания миссис Джиллиан. Должно быть, миссис Фраули слишком далеко засунула руку. Правда, этого никто не видел, все были заняты работой. Она закричала. Ладонь уже исчезла из виду, через секунду машина затянула всю руку до плеча. Женщина пыталась высвободить ее, вместо того чтобы просто отключить машину. Дело ясное, паника. Правда, одна из работников, миссис Кин, утверждает, что пыталась выключить, но, очевидно, от волнения перепутала кнопки и было уже слишком поздно...

– Тогда, выходит, всему причиной этот злосчастный рычаг! Он просто не мог быть исправен, – решительно заявил Хантон. – Ну разве что только в том случае, если она положила руку не под него, а сверху...

– Такого просто быть не может. Над этим самым рычагом заслонка из нержавеющей стали. И сам рычаг был абсолютно исправен. И подключен к мотору. Стоит ему опуститься – и мотор в тот же миг отключается.

– Тогда как же такое могло произойти, скажите на милость?

– Понятия не имею. Мы с коллегами пришли к выводу, что погибнуть миссис Фраули могла только в одном случае. А именно: если бы свалилась на конвейер сверху. Но ведь когда все это произошло, она стояла на полу, причем обеими ногами. И сей факт подтверждает целая дюжина свидетелей.

– Стало быть, вы описываете нечто невероятное, чего никак не могло произойти в действительности, – сказал Хантон.

– Нет, отчего же... Просто мы не совсем понимаем, как это произошло... – Тут Мартин умолк, затем после паузы добавил: – Я вам вот что скажу, Хантон, раз уж вы воспринимаете все это так близко к сердцу. Только никому больше ни слова. Все равно все буду отрицать... Знаете, не понравилась мне эта машина. Она... Короче, мне почему-то показалось, что она над нами смеется. За последние лет пять мне пришлось проверить больше дюжины таких гладилок. Некоторые из них пребывали в столь прискорбном состоянии, что я бы и собаку без поводка к ним не подпустил. Но законы штата смотрят на такие вещи довольно снисходительно... И потом, эти гладилки были всего лишь машинами. Но эта... эта прямо привидение какое-то. Не знаю почему, но ощущение возникло именно такое. И если б удалось придраться хоть к чему-нибудь, найти хотя бы одну мелкую неисправность, я бы тут же приказал закрыть ее. Похоже на безумие, верно?

– Знаете, и я то же самое чувствовал, – сознался Хантон.

– Позвольте рассказать об одном случае в Милтоне, – сказал инспектор Мартин. Снял очки и начал протирать их краешком жилета. – Было это года два тому назад. Какие-то ребята вынесли на задний двор старый холодильник. Потом нам позвонила женщина и сказала, что в него попала ее собачка. Дверца захлопнулась, и животное задохнулось. Мы уведомили о происшествии полицию. Они отправили туда своего человека. Славный, видно, был парень, очень жалел ту собачонку. Погрузил ее в пикап прямо вместе с холодильником и на следующее утро вывез на городскую свалку. А в тот же день, чуть попозже, звонит другая женщина, что жила по соседству, и заявляет о пропаже сына.

– О господи... – пробормотал Хантон.

– Холодильник находился на свалке, и в нем нашли ребенка. Мертвого. Такой чудесный был мальчуган. Тихий, послушный, если верить матери. Она утверждала, что сынишка не имел привычки садиться в машину к незнакомым людям или играть в пустых холодильниках. Однако же в этот почему-то залез... И мы списали на несчастный случай. Думаете, этим дело и кончилось?

– Думаю, да, – сказал Хантон.

– Так вот, ничего подобного. На следующий день работник свалки пошел к этому злосчастному холодильнику снять с него дверцу. Так предписывает распоряжение городских властей за номером 58, о порядке содержания предметов на городских свалках. – Мартин бросил на собеседника многозначительный взгляд. – Так вот, работник нашел внутри шесть мертвых птичек. Чайки, воробьи, одна малиновка. И еще сказал, что, когда выгребал их оттуда, дверца вдруг захлопнулась сама по себе и прищемила ему руку. Бедняга так и взвыл от боли. И сдается мне, что машина-«мясорубка» из «Блю риббон» – того же сорта штучка. И мне это страшно не нравится, Хантон.

Они стояли и молча смотрели друг на друга в опустевшем вестибюле здания городского суда, в шести кварталах от того места, где гладильная машина-полуавтомат фирмы «Хадли-Уотсон», модель номер шесть, пыхтя парами и постукивая, трудилась над выстиранным бельем.

* * *

Прошла неделя, и несчастный случай в прачечной стал постепенно забываться – его вытеснила из головы Хантона рутинная полицейская работа. И вспомнил он о нем, лишь когда они вместе с женой зашли к Марку Джексону сыграть партию в вист и выпить пива.

Джексон приветствовал его со словами:

– Послушай, Джонни, а тебе никогда не приходило в голову, что в ту машину в прачечной могли вселиться злые духи?

– Что? – растерянно заморгал Хантон.

– Ну та скоростная гладилка из «Блю риббон». Тут явно прослеживается какая-то связь.

– Какая еще связь? – насторожился Хантон.

Джексон протянул ему номер вечерней газеты и ткнул пальцем в заметку, напечатанную на второй странице. В ней говорилось, что в прачечной «Блю риббон» произошел несчастный случай. Гладильная машина-полуавтомат обварила паром шестерых женщин, работавших на подаче белья. Инцидент произошел в 15.45 и приписывался внезапному подъему давления пара в котельной. Одну из работниц, миссис Аннет Джиллиан, отправили в городскую больницу с ожогами второй степени.

– Странное совпадение... – пробормотал Хантон, и в памяти вдруг всплыли слова инспектора Мартина, столь зловеще прозвучавшие в пустом помещении суда: *не машина, а прямо привидение какое-то*. И тут же вспомнился рассказ о собачке, мальчике и птичках, погибших в старом холодильнике.

В тот вечер он играл в карты из рук вон скверно.

Миссис Джиллиан полулежала, привалившись спиной к подушкам, и читала «Тайны экрана», когда к ней в палату зашел Хантон. Одна рука у женщины была забинтована полностью, часть шеи закрывал марлевый тампон. В палате на четыре койки у нее была всего одна соседка, молоденькая женщина с бледным лицом. Она крепко спала.

Завидев синюю форму, миссис Джиллиан сперва растерялась, затем выдавила робкую улыбку:

– Если вы к миссис Черников, то она сейчас спит, зайдите попозже. Ей только что дали лекарство и...

– Нет, я к вам, миссис Джиллиан. – Улыбка на лице женщины тут же увяла. – Я здесь, так сказать, неофициально. Просто любопытно знать, что произошло с вами в прачечной. – Он протянул руку. – Джон Хантон.

Жест и слова были выбраны безошибочно. Лицо миссис Джиллиан так и расплелось в улыбке, и она робко ответила на рукопожатие необожженной рукой.

– Всегда рада помочь полиции, мистер Хантон. Спрашивайте... О господи, а я уж испугалась, подумала, мой Энди опять чего в школе натворил.

– Расскажите подробно, как все произошло.

– Ну, мы прогоняли через гладилку простыни, и вдруг она как пыхнет паром! Так мне, во всяком случае, показалось. Я уже собиралась домой, думала, вот приду, выгуляю собачек, а тут вдруг «бах!», точно бомба какая взорвалась. И пар кругом, один пар, и такой шипящий звук... просто ужасно. – Уголки губ, растянутые в улыбке, жалобно задрожали. – Такое впечатление, словно эта гладилка дышит... как дракон. И наша Альберта – ну Альберта Кин –

вдруг как закричит: «Взрыв, взрыв!» – и все сразу забежали, закричали, а Джинни Джейсон начала верещать, что ее обварило. И я тоже побежала и вдруг упала. Просто не поняла тогда, что и меня сильно обожгло. Слава богу, еще так обошлось, могло быть куда как хуже. Горячий пар, под триста градусов...

– В газете писали, что была повреждена линия подачи пара. Что это означает?

– Ну, трубы, что проходят над головой, они подают пар в такой гибкий шланг, а уже оттуда он поступает в машину. Джо, то есть мистер Стэннер, сказал, что, должно быть, из котла произошел выброс. Давление поднялось, вот линия и не выдержала.

Хантон не знал, о чем спрашивать дальше. И уже собрался было уходить, как вдруг женщина нехотя добавила:

– Прежде такого с машиной никогда не случалось. Только последнее время. То пар, то этот ужасный, просто жуткий случай с миссис Фраули, Господь, да упокой ее душу. Ну и всякие другие мелкие происшествия. То вдруг платье у Эсси попало в приводную цепь. Тоже могло кончиться плохо, но она молодец, сообразила: тут же скинула его. То вдруг болт какой отвалится или еще чего. И Херб Даймент, это наш мастер по ремонту, так он с ней прямо замучился! То вдруг простыня застрянет между цилиндрами. Джордж говорит, это все потому, что в стиральные машины кладут слишком много отбеливателя, но ведь прежде такого никогда не случалось. И теперь наши девочки просто боятся на ней работать. Эсси говорит, что там застряли кусочки Адель Фраули и что работать на ней – просто кошунство, что-то вроде того... Ну, будто бы на этой машине лежит проклятие. С тех самых пор, как Шерри порезала руку о скобу.

– Шерри? – переспросил Хантон.

– Да, Шерри Квелетт. Хорошенькая такая девочка, пришла к нам после школы. И работница старательная, только немного неуклюжая. Ну знаете, как это бывает с совсем молоденькими девушками.

– Так она палец порезала? Что было?

– Да *ничего* особенного. У машины имеются такие скобы, придерживают ленту конвейера. И Шерри как раз возилась с этими скобами, хотела немного ослабить натяжение, потому как мы собирались загрузить плотную толстую ткань. Ну и, наверное, размечталась о каком-нибудь парне. Порезала палец. Глубоко так, прямо все кругом было в крови. – На лице миссис Джиллиан вдруг возникло растерянное выражение. – А потом... как раз после этого случая... и стали выпадать болты. А потом, примерно через неделю... несчастье с Адель. Словно машина попробовала вкус крови и он ей понравился. Вообще-то женщинам вечно лезет в голову разная чепуха, верно, офицер Хинтон?

– Хантон... – рассеянно поправил ее Джон, глядя пустым взором в потолок.

По иронии судьбы он в тот же день повстречался с Марком Джексоном – в маленькой прачечной-автомате, что находилась неподалеку от их домов, и именно там между полицейским и профессором английской литературы состоялась прелюбопытнейшая беседа.

Они сидели рядом в пластиковых креслах, а их одежда вертелась за стеклами в барабанах стиральных машин, которые приводились в действие брошенной в щель монетой. На коленях у Джексона лежал томик избранных произведений Милтона, но он совершенно забыл о великом поэте и внимал Хантону, который поведал ему о происшествии с миссис Джиллиан.

Наконец Хантон закончил, и Джексон сказал:

– Помнишь, я говорил тебе, а не может так быть, что эта машина-«мясорубка» заколдована? Конечно, то была лишь шутка... но только наполовину. И сейчас мне хочется задать тот же вопрос.

– Да нет, – пробурчал Хантон. – Глупости все это...

Джексон наблюдал за тем, как крутится за стеклянным окошком белье.

– Заколдована – это плохое слово. Не совсем точное. Скорее всего в нее вселились злые духи. На свете существует немало способов вселить демонов куда угодно. И ровно столько же – изгнать их оттуда. Ну, взять хотя бы «Золотой сук» Фрейзера, там описано немало подобных примеров. В сказках о друидах, в ацтекском фольклоре – тоже. Есть и более древние упоминания о подобных случаях, еще со времен Египта. И практически все они объединены хотя бы одним общим и обязательным условием. Для того чтобы вселить демона в неодушевленный предмет, нужна кровь девственницы. – Он покосился на Хантона. – Миссис Джиллиан сказала, все неприятности начались после того, как эта самая Шерри Квелетт поранила руку, верно?

– Да будет тебе, – сказал Хантон.

– Но, согласись, эта девушка вполне отвечает условиям, – улыбнулся Джексон.

– Прямо сейчас все брошу, поеду к ней и спрошу, – сказал Хантон и тоже улыбнулся краешками губ. – Так и вижу эту картину... «Здравствуйте, мисс Квелетт. Офицер полиции Джон Хантон. Я тут провожу одно небольшое расследование, выясняю, не вселились ли в гладильную машину демоны. И хотел бы знать, девственница вы или нет?» Как считаешь, успею я сказать Сандре с детишками «прощайте», перед тем как меня укутут в психушку, а?

– Готов поспорить, ты все равно примерно тем и кончишь, – заметил Джексон, но уже без улыбки. – Я серьезно, Джонни. Эта машина чертовски меня пугает, хоть я ни разу и не видел ее.

– Кстати, – заметил Хантон, – а ты не мог бы рассказать об остальных обязательных условиях?

Джексон пожал плечами.

– Ну, прямо так, с ходу, пожалуй, не смогу. Надо посидеть за книжками. Взять, к примеру, колдовские зелья. У англосаксов их изготавливали из грязи, взятой с могилы, или из глаза жабы. В европейских снадобьях часто фигурирует «рука славы», или, проще говоря, рука мертвеца. Или же один из галлюциногенов, используемых на ведьминских шабашах. Обычно это белладонна или же производное псилоцибина. Могут быть и другие.

– И ты считаешь, что все это могло попасть в гладильный автомат «Блю риббон»? Господи, Марк, да я руку готов дать на отсечение, что здесь, в радиусе пятисот миль, нет ни одного стебелька белладонны! Или же ты думаешь, что кто-то оторвал руку какому-нибудь дядюшке Фредди и сунул ее в эту треклятую гладилку?

– «Если семьсот обезьян засадить на семьсот лет за печатание на пишущей машинке...»

– Знаю, знаю. «Одна из них непременно напишет собрание сочинений Шекспира», – мрачно закончил за него Хантон. – Иди ты к дьяволу, Марк! Нет, лучше дойди до аптеки на той стороне улицы и наменяй там еще двадцатидесятицентовиков для стиральной машины.

Джордж Стэннер потерял в «мясорубке» руку, и этому сопутствовали самые странные обстоятельства.

В понедельник в семь часов утра в прачечной не было никого, если не считать Стэннера и Херба Даймента, мастера по ремонту оборудования. Дважды в год они проводили профилактические работы – смазывали подшипники «мясорубки», перед тем как открыть фабрику-прачечную в обычное время, в 7.30. Даймент находился у дальнего ее конца, смазывал четыре вспомогательных подшипника и размышлял о том, какие неприятные ощущения вызывает у него в последнее время общение с этим механизмом, как вдруг «мясорубка»... ожила.

Он как раз приподнял четыре полотняные ленты на выходе, чтоб добраться до мотора, находившегося под ними, как вдруг ленты дрогнули и поползли у него в руках, сдирая кожу с ладоней и затягивая его внутрь.

За секунду до того, как руки его оказались бы втянутыми в машину, он резким рывком освободился.

– Какого черта! – завопил он. – Вырубите эту гребаную хреновину!

И тут Джордж Стэннер закричал.

Это был жуткий, леденящий душу крик, вернее, даже вой, разом наполнивший все помещение, эхом отдававшийся от металлических ликов стиральных автоматов, от усмехающихся пастей паровых прессов, от пустых глазниц огромных сушилок. Стэннер широко втянул раскрытым ртом воздух и снова закричал:

– *О Господи Иисусе! Меня затянуло! ЗАТЯНУЛО...*

Тут из-под барабанов повалил пар. Колесики стучали и вертелись, казалось, что помещение и механизмы вдруг прорвало криком и потайная жизнь, доселе крившаяся в них, вдруг вырвалась наружу.

Даймент опрометью бросился к тому месту, где только что находился Стэннер.

Первый барабан уже зловеще окрасился кровью. Даймент тихо застонал, горло у него перехватило. А «мясорубка» завывала, стучала, шипела.

Непосвященному свидетелю происшествия могло бы показаться, что Стэннер просто стоит над машиной, склонившись под несколько странным углом. Но даже непосвященный свидетель непременно заметил бы затем, что лицо его побелело как мел, глаза выкачены из орбит, а рот перекошен в протяжном болезненном крике. Рука уже исчезла под рычагом безопасности и первым барабаном, рукав рубашки был оторван полностью, до самого плеча, а верхняя часть руки как-то неестественно искривилась, и из нее хлестала кровь.

– Выключи! – прохрипел Стэннер. И тут хрустнула и сломалась плечевая кость.

Даймент ударил ладонью по кнопке.

«Мясорубка» продолжала стучать, рычать и вертеться.

Не веря своим глазам, Даймент бил и бил по этой кнопке. Безрезультатно... Кожа на руке Стэннера натянулась и стала странно блестящей. Вот сейчас она не выдержит, порвется – ведь барабаны продолжали вертеться. При этом, как ни странно,

Стэннер не терял сознания и продолжал кричать. И Дайменту почему-то вспомнилась сценка из мультфильма, где на человека наезжает паровой каток и раскатывает его в тоненький листик.

– Предохранитель!... – взвыл Стэннер. Голова его клонилась все ниже, машина неумолимо затягивала человека в свою утробу.

Даймент развернулся и кинулся в бойлерную. Крики Стэннера подгоняли его, точно злые духи. В воздухе стоял смешанный запах крови и пара.

Слева на стене находились три тяжелых серых шкафа с пробками от всей электросистемы прачечной. Даймент начал распахивать дверцы – одну за одной – и выдергивать подряд все длинные керамические цилиндры, отбрасывая их через плечо. Сперва вырубился верхний свет, затем – воздушный компрессор. Затем и сам бойлер – с тихим умирающим завыванием.

А «мясорубка» все продолжала вертеться. Крики Стэннера превратились в булькающие, захлебывающиеся стоны.

Тут на глаза Дайменту попал пожарный топорик, висевший на стене в застекленном шкафу. Тихо причитая, он схватил его и выбежал из бойлерной. Руку Стэннера сжевало уже до плеча. Еще секунда – и голова и неуклюже изогнутая шея будут раздавлены.

– Не получается! – пробормотал Даймент, размахивая топориком. – Господи, Джордж, что ж это такое!... Я не могу, не могу!

Машина несколько уредила прыть. Лента выплюнула остатки рукава, куски мяса, палец Стэннера... Тот снова взвыл – дико, протяжно, – и Даймент, взмахнув топориком, почти вслепую ударил им один раз. И еще раз. И еще.

Стэннер отвалился в сторону и медленно осел на пол. Он был без сознания. Лицо синюшное, из обрубка возле самого плеча потоком хлещет кровь... Машина со всхлипом втянула все, что от него осталось, в себя и... заглохла.

Рыдающий в голос Даймент выдернул из брюк ремень и начал сооружать из него «шину».

Хантон говорил по телефону с инспектором Роджером Мартином. Джексон краем глаза наблюдал за ним, терпеливо катая по полу мячик – ради удовольствия трехлетней Пэтти Хантон.

– Он выдернул все пробки?.. – переспросил Хантон. – Но ведь с выдернутыми пробками электричество отключается, разве нет?.. И гладилку отключил?.. Так-так, хорошо. Замечательно. Что?.. Нет, не официально. – Хантон нахмурился, покосился на Джексона. – Все вспоминается тот холодильник, Роджер... Да, я тоже. Ладно, пока! – Он повесил трубку и обернулся к Джексону: – Пришла пора познакомиться с нашей девушкой, Марк.

У нее была собственная квартира. Судя по робости, с какой она держалась, и готовности, с которой впустила их, едва Хантон показал полицейский значок, поселилась девушка здесь недавно. Затем она неловко пристроилась на краешке кресла напротив, в тщательно обставленной гостиной, напоминавшей картинку на открытке.

– Я офицер полиции Хантон, а это мой помощник, мистер Джексон. Я по поводу того случая в прачечной. – Он ощущал некоторую неловкость в присутствии этой хорошенькой и застенчивой темноволосой девушки.

– Ужасно, просто ужасно... – пробормотала Шерри Квелетт. – Вообще-то это первое место, где я пока работала. Мистер Гартли, он доводится мне дядей. И мне нравилась моя работа, потому что я смогла переехать в отдельную квартиру, принимать друзей... Но теперь... мне кажется, это место, «Блю риб-бон»... *нехорошее*.

– Комиссия по технике безопасности закрыла гладилку на то время, пока проводится расследование, – сказал Хантон. – Вы об этом знаете?

– Конечно. – Она беспокойно заерзала в кресле. – Просто ума не приложу, что теперь делать...

– Мисс Квелетт, – перебил ее Джексон, – у вас ведь тоже были проблемы с этой гладильной машиной или я ошибаюсь? Вы вроде бы поранили руку о скобу, верно?

– Да, порезала палец. – Тут вдруг лицо ее помрачнело. – Но это было только начало... – Она подняла на него печальные глаза. – С тех пор мне иногда кажется, что все остальные девушки меня вдруг разлюбили... словно я... в чем-то провинилась.

– Я вынужден задать вам очень трудный вопрос, мисс Квелетт, – медленно начал Джексон. – Вопрос, который вам наверняка не понравится. Он носит очень личный характер, и может показаться, что не имеет отношения к теме, но это не так, уверяю вас. Не бойтесь, можете отвечать смело, мы не записываем нашу беседу.

Теперь лицо ее отражало испуг.

– Я... с-сделала что-то не так?..

Джексон улыбнулся и покачал головой, она сразу же расслабилась. *Господи, какое счастье, что я здесь с Марком*, подумал Хантон.

– Я бы еще добавил: ответ на этот вопрос может помочь вам сохранить эту славную квартиру, вернуться на работу и сделать так, что дела на фабрике-прачечной снова пойдут хорошо, как прежде.

– Ради этого я готова ответить на любой ваш вопрос, – сказала она.

– Шерри, вы девственница?

Похоже, она была совершенно потрясена, даже шокирована. Словно священник, к которому пришла на исповедь, вдруг отвесил ей пощечину. Затем подняла голову и обвела глазами комнату с таким видом, словно никак не могла поверить, могли ли они думать иначе.

А затем просто и коротко сказала:

– Я берегу себя для будущего мужа.

Хантон и Джексон молча переглянулись, и в какую-то долю секунды первый вдруг всем сердцем почувствовал, что все правда, что так оно и есть, что дьявол действительно вселился

в неодушевленный металл, во все эти крючки, винтики и скобы «мясорубки» и превратил ее в нечто, живущее своей собственной, отдельной жизнью.

– Спасибо, – тихо сказал Джексон.

– Ну, что теперь? – мрачно осведомился Хантон уже в машине. – Будем искать священника, чтоб изгнать демонов?

Джексон насмешливо фыркнул:

– Даже если и найдешь такого священника, дело кончится тем, что он даст тебе читать кучу разных трактатов, а сам тем временем будет названивать в психушку. Мы должны справиться своими силами, Джонни.

– А справимся?

– Возможно. Проблема заключается в следующем. Мы знаем, что в машину вселилось нечто. А вот *что* именно – неизвестно... – Тут Хантон отчего-то весь похолодел, словно до него дотронулась бесплотная леденящая рука смерти. – Ведь демонов страшно много. Имеем ли мы дело с Бубастисом⁷ или Паном⁸? Или же Баалом⁹? Или с христианским божеством, воплощением адских сил, под именем Сатана?.. Мы не знаем. Если б знать, кто подпустил этого демона и с какой целью, было бы проще. Но, похоже, он попал туда случайно.

Джексон пригладил ладонью волосы.

– Кровь девственницы, да, это понятно... Но сам этот факт еще ни о чем не говорит. Мы должны точно знать, с кем имеем дело.

– Зачем? – тупо спросил Хантон. – Почему бы не собрать разных снадобий и не попробовать изгнать это?

Лицо Джексона словно окаменело.

– Это не игра в грабителей и полицейских, Джонни! Ради бога, даже не думай! Ритуал изгнания дьявола – страшно опасная штука. Все равно что контролировать ядерную реакцию, чтобы тебе было понятнее. Мы можем ошибиться. И тогда погибнем. Пока что демон засел в этой машине. Но дай ему шанс, и он...

– Может вырваться наружу?

– Да он только об этом и мечтает... – мрачно протянул Джексон. – Ему нравится убивать.

Когда на следующий вечер Джексон заехал к нему, Хантон уговорил жену сходить с детьми в кино. Гостиная оказалась в полном их распоряжении, уже это несколько успокаивало. Хантону до сих пор с трудом верилось в то, что он оказался втянутым в такую странную затею.

– Я отменил занятия, – сказал Джексон, – и весь день просидел за разными жуткими книжками. Ты даже вообразить себе не можешь, до чего страшные вещи там описаны. Выписал штук тридцать способов, объясняющих, как вызвать демонов, и ввел их в компьютер. И тот выдал результат – наличие общих обязательных элементов. Их оказалось на удивление мало.

Он показал Хантону список, в котором значились: кровь девственницы, земля с могилы, «рука славы», кровь летучей мыши, мох, собранный ночью, лошадиное копыто, глаз жабы.

Были и другие элементы, но они считались не главными.

– Лошадиное копыто... – задумчиво протянул Хантон. – Странно.

– Очень часто встречается. Вообще-то...

– А возможна ли... э-э... не слишком жесткая трактовка этих формул? – перебил его Хантон.

---

⁷ Бубастис – одна из ипостасей дьявола.

⁸ Пан – в древнегреческой мифологии божество лесов, стад и полей, козлоног, покрытый шерстью. Раннее христианство причисляло Пана к бесовскому миру.

⁹ Баал – в древнесемитской мифологии демон засухи.

– К примеру, может ли лишайник, собранный ночью, заменить мох, да?

– Да.

– Что ж, вполне возможно, – ответил Джексон. – Магическая формула зачастую звучит весьма двусмысленно и допускает целый ряд отклонений. Черная магия всегда предоставляла простор для полета творческой мысли.

– Что, если заменить лошадиное копыто клеем марки «Джель-О»? – предположил Хантон. – Очень популярная на производстве штука. Сам видел банку такого клея в тот день, когда погибла эта несчастная миссис Фраули. Стояла под платформой, на которой закреплена гладилка. Ведь желатин делают из лошадиных копыт.

Джексон кивнул.

– Что еще?

– Кровь летучей мыши... Так, помещение там просторное. Множество всяких неосвещенных закоулков и подсобок. А потому вероятность обитания летучих мышей в «Блю риббон» довольно высока, хотя администрация вряд ли признается в этом. Одна из таких тварей могла свободно залететь в «мясорубку».

Джексон откинул голову на спинку кресла и протер покрасневшие от усталости глаза.

– Да, вроде бы сходится... все сходится.

– Правда?

– Да. Ну, «руку славы», как мне кажется, молено благополучно исключить. Никто не подкидывал руку мертвеца в гладилку вплоть до гибели миссис Фраули, а то, что в наших краях не растет белладонна, так это определено.

– Земля с могилы?

– А ты как думаешь?

– Вообще-то здесь просматривается некая связь, – пробормотал Хантон. – Ближайшее кладбище «Плезант хилл» находится в пяти милях от «Блю риббон».

– О'кей, – кивнул Джексон. – Я попросил девушку, работавшую на компьютере – бедняжка, она была уверена, что я готовлюсь к Хэллоуину, – поделить все эти элементы из списка на первичные и вторичные. Во всех возможных комбинациях. Затем выбросил дюжины две, которые выглядели совершенно абсурдными. А все остальные распределились на вполне четкие категории. И элементы, о которых мы только что толковали, вписываются в одну из комбинаций. Я имею в виду один из способов изгнания.

– И каков же он?

– О, очень прост. В Южной Америке существуют центры, исповедующие различные мистические верования. Имеют подразделения на Карибах. Обряды по виду сходные. В книгах, которые я просмотрел, их божества рассматриваются как некие злые духи, обитающие в лесу, ну, типа тех, которых африканцы называют Саддат, или Оно-Которое-Не-Имеет-Имени. И вот это самое «оно» вылетит у нас из машины пулей, и глазом моргнуть не успеешь.

– Да, но как мы это сделаем?

– Нужна лишь капелька святой воды да крошка облатки, которую используют при причастии. Ну и заодно прочитаем им вслух из книги Левита¹⁰. Самая настоящая христианская белая магия.

– Может, от этого только хуже станет?

– С чего бы это? Не вижу причин, – задумчиво заметил Джексон. – К тому же, должен сознаться, меня несколько беспокоит отсутствие в нашем списке «руки славы». Это очень мощный элемент черной магии.

– Святой водой не побороть, да?

---

¹⁰ «Левит» – третья книга Ветхого Завета.

– Да. Демон, вызванный «рукой славы», способен сожрать на завтрак целую кипу Библий! С ним мы можем нарваться на большие неприятности. Вообще, лучше всего разобрать эту дьявольскую машину на части, и все дела.

– А ты совершенно уверен, что...

– Нет. Не совсем. И однако же, доля уверенности существует. Все вроде бы сходится.

– Когда?

– Чем раньше, тем лучше, – ответил Джексон. – Как мы туда попадем? Выбьем стекло?

Хантон улыбнулся, полез в карман, вытащил оттуда ключик и помахал им перед носом Джексона.

– Где раздобыл? У Гартли?

– Нет, – ответил Хантон. – У инспектора службы технадзора Мартина.

– Он знает, что мы затеяли?

– Кажется, подозревает. Пару недель назад рассказал мне одну любопытную историю.

– О «мясорубке»?

– Нет, – ответил Хантон. – О холодильнике. Ладно, идем.

Адель Фраули была мертва; лежала в гробу, сшитая из кусочков терпеливыми и старательными служащими морга. Но часть ее души могла остаться в машине, и если бы это было действительно так, то сейчас эта душа должна была бы исходить криком. Она должна была знать, должна предупредить их. Миссис Фраули страдала несварением желудка и для того, чтобы избавиться от этого зауядного недуга, принимала весьма зауядное лекарство – таблетки под названием «Гель Е-Z», коробочку с которыми можно было приобрести в любой аптеке за семьдесят девять центов. Правда, сбоку на коробочке значилось противопоказание: людям, страдающим глаукомой, принимать «Гель Е-Z» нельзя, поскольку содержащиеся в нем активные ингредиенты могли привести к ухудшению состояния. Но, к несчастью, Адель Фраули не обратила внимания на эту надпись. И ей следовало бы помнить, что незадолго до того, как Шерри Квелетт порезала палец, она, Адель, случайно уронила в машину полный коробок этих таблеток. Теперь же она была мертва и ведать не ведала о том, что активным ингредиентом, снимающим боли в желудке, являлось химическое производное белладонны, растения, известного во многих европейских странах под названием «рука славы».

Внезапно в полной тишине фабрики-прачечной «Блю риб-бон» раздался зловещий булькающий звук. Летучая мышь, словно безумная, метнулась к своему убежищу – щели между проводами над сушилкой, куда тут же забилась и прикрыла мордочку широкими крыльями.

Звук походил на короткий смешок.

И тут вдруг «мясорубка» со скрежетом заработала – лента конвейера побежала в темноту, выступы и зубчики, сцепляясь друг с другом, завертели, тяжелые цилиндры с форсунками для пара начали вращаться.

Она их ждала.

Хантон въехал на автостоянку в самом начале первого – луна скрылась за чередой медленно ползущих по небу темных туч. Он одновременно выключил фары и ударил по тормозам – так резко, что Джексон едва не стукнулся лбом о ветровое стекло.

Затем выключил зажигание, и тут оба они услышали мерное постукивание.

– Это «мясорубка», – тихо произнес Хантон. – Да, она. Завелась сама по себе и работает посреди ночи.

Какое-то время они сидели молча, чувствуя, как в души их медленно и неумолимо закрадывается страх.

Наконец Хантон сказал:

– Ладно, идем. Задело.

Они выбрались из машины и подошли к зданию – стук «мясорубки» стал громче. Вставляя ключ в замочную скважину, Хантон вдруг подумал, что машина издает звуки, свойственные живому существу. Словно дышит, жадными горячими глотками хватая воздух, словно разговаривает сама с собой свистящим насмешливым полупшепотом.

– А знаешь, мне почему-то вдруг стало приятно, что рядом со мной полицейский, – сказал Джексон. И перевесил коричневую сумку с одного плеча на другое. В сумке находилась небольшая баночка из-под джема, наполненная святой водой, и гидеоновская Библия¹¹.

Они вошли внутрь, и Хантон, нажав на выключатель у двери, включил свет. Под потолком замигала и загорелась холодным голубоватым огнем флюоресцентная лампа. В ту же секунду «мясорубка» затихла.

Над цилиндрами висела пелена пара. Она поджидала их, затаившись в зловещем молчании.

– Господи, до чего ж уродливая штукавина, – прошептал Джексон.

– Идем, – сказал Хантон. – Пока она окончательно не распсиховалась.

Они приблизились к «мясорубке». Рычаг безопасности был опущен.

Хантон вытянул руку.

– Ближе не стоит, Марк. Давай сюда банку и говори, что делать.

– Но...

– Не спорь!

Джексон протянул ему сумку. Хантон поставил ее на стол для белья перед машиной, затем дал Джексону Библию.

– Я начну читать, – сказал Джексон. – А ты, когда дам знак, побрызгаешь на машину святой водой. И скажешь: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, вон отсюда, ты, нечистая сила». Понял?

– Да.

– А потом, когда дам второй знак, разломишь облатку и снова повторишь заклинание.

– А как мы узнаем, подействовало или нет?

– Узнаем. Тварь, засевавшая там, повыбьет все стекла, когда будет выбираться наружу. И если с первого раза не получится, будем повторять еще и еще.

– Знаешь, мне чертовски страшно... – пробормотал Хантон.

– Честно сказать, мне тоже.

– Если мы ошиблись насчет этой самой «руки славы»...

– Не ошиблись, – сказал Джексон. – Ну, с Богом!

И он начал читать. Голос наполнил пустое помещение и гулким эхом отдавался от стен.

– «Не сотворяйте себе кумиров и изваяний, и столбов не ставьте у себя, и камней с изображениями не кладите в земле вашей, чтобы кланяться перед ними; ибо Я Господь Бог ваш... – Слова его падали в тишину, словно камни, и Хантону вдруг стало холодно, страшно холодно. «Мясорубка» оставалась нема и неподвижна под мертвенным сиянием флюоресцентной лампы, и ему вдруг показалось, что она ухмыляется. – ...и будете прогонять врагов ваших, и падут они перед вами от меча»¹². – Тут Джексон поднял от Библии бледное лицо и кивнул.

Хантон побрызгал святой водой на подающий механизм конвейера.

И тут машина издала пронзительный мучительный крик. Из тех мест, куда попали капли воды, повалил пар и завился в воздухе тонкими красноватыми нитями. «Мясорубка» дрогнула и ожила.

---

¹¹ Гидеоновская Библия (Gideon Bible) – Библия, изданная организацией «Гидеоне интернэшнл», бесплатно распространяющей религиозную литературу.

¹² Ветхий Завет, книга третья, глава 26.

– Получилось! – воскликнул Джексон, стараясь перекрыть нарастающий грохот. – Она завелась!

И он принялся читать снова, громким голосом, перекрывая лязг и шум. Затем опять кивнул Хантону, и тот побрызгал еще. А затем внезапно его пронзил леденящий душу ужас, и он с беспощадной ясностью осознал, вернее, почувствовал, что произошла страшная ошибка, что машина приняла их вызов и что она... сильнее.

Джексон читал все громче и громче, он уже почти кричал.

Из мотора вдруг начали вылетать искры; воздух вокруг наполнился запахом озона, к которому примешивался медный привкус крови. Теперь уже главный мотор дымился. «Мясорубка» вертелась с безумной скоростью – стоило хотя бы кончиком пальца дотронуться до центральной ленты, и все тело в течение доли секунды оказалось бы втянутым в этот бешено мчавшийся конвейер, а еще секунд через пять превратилось бы в сплюсненную окровавленную тряпку. Бетонный пол под ногами дрожал.

Затем вдруг главный подшипник выплюнул волну пурпурного света, в холодном воздухе запахло грозой. Но «мясорубка» продолжала работать, лента мчалась все быстрее и быстрее, винтики и зубчики вращались с такой скоростью, что различить их было уже невозможно и все перед глазами сливалось в сплошной серый поток, который затем начал таять, менять очертания.

Хантон, стоявший словно в гипнозе, вздрогнул и отступил на шаг.

– Бежим отсюда! – крикнул он, перекрывая весь этот оглушительный, невыносимый грохот.

– Но у нас почти получилось! – крикнул в ответ Джексон. – Почему...

Тут вдруг раздался жуткий, совершенно неопиcуемый треск, и в бетонном полу образовалась трещина. И побежала к их ногам, угрожающе расширяясь на ходу. Кругом взлетали и рассыпались в пыль куски старого цемента.

Джексон взглянул на «мясорубку» и вскрикнул.

Машина пыталась оторваться от пола, напоминая при этом динозавра, старающегося отодрать прилипшие к смоляной луже лапы. Вообще-то ее уже нельзя было больше назвать машиной или гладилкой. Она меняла очертания, острые углы исчезали, таяли на глазах. Вот откуда сорвался кабель под напряжением 550 вольт и упал, расплескивая голубые искры на крутящиеся валы, которые тут же сжевали его. Секунду на них смотрели два огненных шара – словно гигантские глаза, в которых сквозил неутолимый голод.

С треском лопнул еще один трос. И «мясорубка», освободившись от всех оков и пут, качнулась и двинулась на них, злобно и плотоядно ворча; рычаг безопасности отскочил и завис в воздухе, и Хантон видел перед собой громадную, широко раскрытую и дышащую паром ненасытную пасть.

Они развернулись и бросились прочь, но тут под ногами у них расползлась еще одна трещина. А за спиной слышался вой и топот, который может издавать только вырвавшийся на волю дикий зверь. Хантон перепрыгнул через трещину, но Джексон споткнулся и упал навзничь.

Хантон остановился и развернулся, собираясь помочь товарищу, но тут на него пала огромная аморфная тень, и все лампы померкли.

Тень стояла над Джексонem, который, лежа на спине, смотрел на нее, и на лице его отражался невыразимый ужас. Ужас жертвы перед закланием. Хантон же успел только заметить нечто черное, невероятной высоты и ширины, нависшее над ними, уставившееся двумя электрическими глазами размером с футбольный мяч каждый. И с разверстой пастью, в которой двигался серый презентовый язык.

И он побежал. За спиной прозвучал пронзительный крик Джексона и тут же оборвался.

Роджер Мартин, заслышав пронзительные звонки в дверь, выбрался наконец из постели, все еще пребывая в полудремотном состоянии. Но когда в прихожую ворвался Хантон, он тут же вернулся к реальности, словно его резко и грубо ударили по лицу.

Вид Хантона был страшен – глаза вылезали из орбит, и он, не находя слов, впился ногтями в халат Мартина. На щеке виднелся кровоточащий порез, все лицо перепачкано какой-то серой пылью.

А волосы... волосы стали совершенно белыми.

– Помогите... ради бога, помогите! – Хоть и с трудом, но он все же обрел дар речи. – Марк погиб. Джексон погиб...

– Присядьте, – сказал Мартин. – Нет, идемте, лучше я отведу вас в гостиную.

Хантон, пошатываясь и подвывая тоненько, словно раненый пес, побрел за ним.

Мартин налил ему унции две «Джима Бима»¹³, и Хантону пришлось держать стакан обеими руками, чтоб протолкнуть жидкость в горло. Затем стакан упал на ковер, а руки, точно неприкаянные души, снова взметнулись вверх и потянулись к отворотам халата.

– «Мясорубка»... она убила Марка Джексона! Она... она... о боже, может вырваться наружу! Мы не должны ей позволить!

Мы не можем... не должны... о-о-о!.. – И тут он завыл протяжно и дико, словно раненый зверь.

Мартин пытался дать ему выпить еще, но Хантон оттолкнул руку со стаканом.

– Нам надо сжечь эту тварь! – крикнул он. – Спалить, прежде чем она успеет выбраться. О, что будет, если она окажется на воле! О господи, что, если она уже... – Тут глаза его странно расширились, закатились, и он, потеряв сознание, рухнул на ковер, точно мертвый.

Миссис Мартин стояла в дверях, подняв воротник халата и прижимая его к горлу.

– Кто это, Родж? Он что, сошел с ума? Мне показалось... – Она содрогнулась.

– Нет, не думаю, что он сошел с ума. – Только теперь она заметила, что лицо мужа искажает самый неприкрытый страх. – Господи, остается лишь надеяться, что они быстро приедут...

И Мартин бросился к телефону. Схватил трубку и вдруг замер.

С той стороны, откуда прибежал Хантон, на дом надвигался какой-то непонятный шум. Он усиливался, становился все громче и отчетливей, и в нем уже можно было различить лязг и постукивание. Окно в гостиной было полуоткрыто, и в него ворвался порыв ночного ветра. Мартин уловил запах озона... или крови?

Он стоял, опустив руку на бесполезный теперь телефон, а звуки становились все громче, и в них улавливалось шипение и фыркание, словно по улицам города катил гигантский плюющийся паром утюг. И комнату наполнил запах крови.

Рука бессильно выронила телефонную трубку. Аппарат все равно не работал.

---

¹³ «Джим Бим» – кентуккский бурбон.

Низкие люди в желтых плащах

Если говорить о месте действия, а не о событиях в повести «Низкие люди в желтых плащах», то ее можно назвать автобиографической (я тоже вырос в пригородном Коннектикуте, и мы с мамой и братом жили в многоквартирном доме, очень похожем на тот, что в повести). А вообще это история о мальчике и об осознании им того факта, что взрослые часто ошибаются и иногда бывают невероятно жестоки. Это произведение с содержащимися в нем элементами предвидения, первой любви и дружбы между протагонистом-ребенком и загадочным стариком с верхнего этажа просто кричало, чтобы из него сделали фильм. Он мог бы быть и лучше, особенно в свете отличной игры Энтони Хопкинса, чью роль в картине можно противопоставить Ганнибалу Лектеру.

Но в самой повести были подводные камни, и, экранизируя ее, с ними пришлось столкнуться. Первый из них – тот, что «Низкие люди» – всего лишь первая часть достаточно свободно составленного романа, который до сих пор по-настоящему не окончен («Дом на Бенефит-стрит» – повесть о том, что случилось с Кэрл, подругой детства Бобби, – еще только должен быть написан). Второй – связь «Низких людей» и цикла «Темная Башня». Я знал, что появление Теда Бротигена в «Сердцах» будет относительно кратким, но знал и то, что ему предстоит еще работа в последнем томе саги о Роланде Дискете.

А не зная причины, почему Тед появился в городе Харвич (о которой я здесь упоминать не буду, чтобы не оказаться виновником жуткого СПОЙЛЕРА), движущая сила фильма сперва становится неубедительной... а потом и вовсе исчезает. В нем есть много отличных сцен, и сам дух этой картины мне нравится, но цельная история действует лучше, а результат определяется именно тем, что действует. И не верьте, если кто-то скажет иначе.

Сердца в Атлантиде

*Это для Джозефа, и Леноры, и Этана:
Я рассказал вам про все то, чтобы рассказать про это.*

Номер 6: Чего вам надо?

Номер 2: Информации.

Номер 6: На чьей вы стороне?

Номер 2: Сведений не даем. Нам нужна информация.

Номер 6: Не получите!

Номер 2: Так или эдак... мы ее получим.

«Пленный»

Саймон остался, где был, – темная, скрытая листвою фигурка. Он жмурился, но и тогда свиная голова все равно стояла перед ним. Прикрытые глаза заволок безмерный цинизм взрослой жизни. Они убеждали Саймона, что все омерзительно.

Уильям Голдинг. «Повелитель мух»

«Мы проморгали».

«Умелый наездник»

Низкие люди в желтых плащах. 1960: У них была палка, заостренная с обоих концов

I. Мальчик и его мать. День рождения Бобби.

Новый жилец. О времени и незнакомых людях

Отец Бобби Гарфилда был одним из тех ребят, которые начинают терять волосы на третьем десятке, а к сорока пяти годам сияют лысиной во всю голову. Этой крайности Рэндолл избежал, умерев от инфаркта в тридцать шесть. Он был агентом по продаже недвижимости и испустил дух на полу чьей-то чужой кухни. Потенциальный покупатель пытался в гостиной вызвать «скорую» по невключенному телефону, когда папа Бобби скончался. Бобби тогда было три года. Он смутно помнил мужчину, который щекотал его, а потом чмокал в щеки и в лоб. Он не сомневался, что это был его папа. «ОСТАВИЛ В ПЕЧАЛИ» – гласила могильная плита Рэндолл а Гарфилда, но его мама вовсе не казалась печальной, а что до самого Бобби – какая может быть печаль, если ты его совсем не помнишь?

Через восемь лет после смерти отца Бобби без памяти влюбился в двадцатилетнюю девушку «швинн» в витрине «Харвич вестерн авто». Он по-всякому намекал матери на «швинн» и в конце концов даже показал ей его, когда они шли домой из кино (крутили «Тьму на верхней лестничной площадке»; Бобби ничего не понял, но ему все равно понравилось – особенно то место, когда Дороти Макгайр хлопнулась в кресло и выставила напоказ свои длинные ноги). Поравнявшись с магазином, Бобби небрежно высказал мнение, что велик в окне, конечно, будет замечательным подарком ко дню рождения какому-нибудь счастливчику одиннадцати лет.

– И не мечтай, – сказала она. – На велосипед к твоему рождению у меня денег нет. Твой отец, знаешь ли, не оставил нас купаться в деньгах.

Хотя Рэндолл упокоился в могиле тогда, когда президентом был еще Трумэн, а теперь и Эйзенхауэр завершил свой восьмилетний круиз, «твой отец не оставил нас купаться в деньгах», чаще всего отвечала его мать, когда Бобби намекал на что-нибудь, что могло обойтись больше чем в один доллар. Обычно эта фраза сопровождалась взглядом, полным упрека, будто ее муж сбежал, а не умер.

На день рождения он велика не получит, угрюмо размышлял Бобби, пока они шли домой, и удовольствие от непонятного путаного фильма, который они видели, совсем угасло. Он не стал спорить с матерью, не стал упрашивать ее – это только вызвало бы контратаку, а когда Лиз Гарфилд контратаковала, она пленных не брала, – но он думал и думал о недоступном велике... и недоступном отце. Порой он почти ненавидел отца. Иногда от ненависти его удерживало только ощущение – ни на чем не основанное, но очень сильное, – что именно этого хочет от него мать. Когда они дошли до парка и пошли вдоль него – еще два квартала, и они свернут влево на Брод-стрит, где они жили, – он подавил обычные опасения и задал вопрос о Рэндолле Гарфилде.

– Мам, он что-нибудь оставил? Хоть что-нибудь?

Недели полторы назад он прочел детективную книжку с Нэнси Дру, в которой наследство бедного мальчика было спрятано за старыми часами в заброшенном доме. Бобби всерьез не думал, что его отец где-то запрятал золотые монеты или редкие марки, но если было хоть что-то, они могли бы продать это в Бриджпорте. Например, в лавке закладчика. Бобби не слишком ясно представлял себе, что и как закладывают, но он знал, как узнать такую лавку – над дверью висят три золотых шара. И, конечно, закладчики там будут рады им помочь. Правда, это только детская сказочка, но у Кэрол Гербер, дальше по улице, целый набор кукол, которые ее отец, военный моряк, присылает ей из-за моря. Так если отцы дарят что-то, а они дарят, так почему бы им и не оставлять что-то? Это же ясно!

Когда Бобби задал свой вопрос, они проходили под фонарем (цепочка их тянется вдоль ограды парка), Бобби увидел, как задвигались губы его матери: они всегда так двигались, если он набирался смелости и спрашивал про своего покойного отца. Глядя на них, он вспоминал ее кошелечек: потянешь за шнурок – и отверстие сузится, почти спрячется в складках.

– Я скажу тебе, что он оставил, – пообещала она, когда они пошли вверх по Брод-стрит, взбиравшейся на холм. Бобби пожалел, что спросил, но, конечно, было уже поздно. Если ее завести, так не остановишь – в этом все дело.

– Он оставил страховой полис, который уже год, как был аннулирован. А я ничего даже не знала, пока он не умер, и все, включая гробовщика, потребовали своей доли того, чего у меня не было. Еще он оставил пачку неоплаченных счетов, с которыми я теперь уже почти разделалась – люди входили в мое положение, а мистер Бидермен особенно, что так, то так.

Все это вместе было старой песней и таким же занудным, как и злобным, но вот тут Бобби услышал что-то новенькое.

– Твой отец, – сказала она, когда они подходили к дому на полпути вверх по Брод-стрит-Хилл, где была их квартира, – на любой неполный стрет клевал.

– Мам, а что такое неполный стрет?

– Не важно. Но одно я тебе скажу, Бобби-бой: смотри, если я узнаю, что ты в карты на деньги играешь! Я этим на всю жизнь по горло сыта.

Бобби хотелось расспросить поподробнее, но благоразумие одержало верх, новый вопрос почти наверное вызвал бы водопад новых слов. Тут он подумал, что кино, которое было про несчастных мужей и жен, могло ее расстроить по причинам, которые ему, всего лишь мальчишке, были непонятны. А про неполный стрет он спросит в понедельник в школе у Джона Салливана, своего лучшего друга. Бобби казалось, что это покер, но уверен он не был.

– В Бриджпорте есть такие места, где мужчины теряют деньги, – сказала она, когда они совсем подошли к дому, где жили. – Туда ходят дураки-мужчины. Дураки-мужчины напако-
стят, а всем женщинам в мире приходится потом убирать за ними. Ну, что же...

Бобби знал, что последует дальше: это было любимое приел овие его матери.

– Жизнь несправедлива, – сказала Лиз Гарфилд, доставая ключ и готовясь отпереть дверь дома номер 149 по Броуд-стрит в городке Харвиче, штат Коннектикут. Был апрель 1960 года, вечер дышал весенними ароматами, а рядом с ней стоял худенький мальчик с рисковыми рыжими волосами своего покойного отца. Она никогда не прикасалась к его волосам, а в редких случаях, когда ей хотелось его приласкать, она обычно прикасалась к его плечу или щеке.

– Жизнь несправедлива, – повторила она, открыла дверь, и они вошли.

Правда, что с его матерью обходились не как с принцессой, и, бесспорно, нехорошо, что ее муж испустил дух на линолеуме пола в пустом доме в возрасте тридцати шести лет, но порой Бобби думал, что могло быть и хуже. Например, не один ребенок, а двое детей. Или трое. Черт! Даже четверо.

Или, предположим, ей бы пришлось выполнять по-настоящему тяжелую работу, чтобы прокормить их двоих? Мать Салла работала в пекарне «Тип-Топ» на другом конце города, и в дни, когда она должна была включать печи, Салл-Джон и двое его старших братьев почти ее не видели. Кроме того, Бобби видел, как из ворот компании «Несравненная туфелька» после трехчасового гудка (сам он уходил из дома в половине третьего) толпой валили женщины, все словно бы слишком тощие или слишком толстые, женщины с землистыми лицами и пальцами, окрашенными в жуткий цвет запекшейся крови, женщины с опущенными глазами, несущие свою рабочую обувь и комбинезоны в пластиковых пакетах «Любая бакалея». А прошлой осенью он видел, как мужчины и женщины собирали яблоки за городом, когда ездил на церковную ярмарку с миссис Гербер, и Кэрол, и маленьким Йеном (которого Кэрол называла не иначе как Йен-Соплюшка). Он спросил у миссис Гербер, что это за люди, а она сказала, что это сезонники, ну, вроде перелетных птиц – они все время перебираются с места на место, собирая урожай чего бы то ни было, когда он созревает.

А она была секретаршей мистера Дональда Бидермена в компании по продаже недвижимости «Родной город» – той самой, в которой работал отец Бобби, когда с ним случился инфаркт. Бобби решил, что работу эту она получила потому, что Дональду Бидермену нравился Рэндолл, и он жалел ее – оставшуюся вдовой с сыном, который только-только вышел из пеленок, – но она хорошо со всем справлялась и работала очень много. Очень часто задерживалась допоздна. Раза два Бобби видел мать и мистера Бидермена вместе – особенно ему запомнился пикник, который устроила компания; но был еще и тот раз, когда Бобби в игре на переменке выбили зуб и мистер Бидермен свозил их к зубному врачу в Бриджпорте, – и они смотрели друг на друга как-то так, по-особенному. Иногда мистер Бидермен звонил ей по вечерам, и в этих разговорах она называла его Доном. Но «Дон» был совсем старый, и Бобби редко о нем думал.

Бобби толком не знал, чем занимается его мама днем (и по вечерам) у себя в агентстве, но он на что хочешь поспорил бы, что это вам не туфли изготавливать и не печи включать в пекарне «Тип-Топ» в половине пятого утра. Бобби на что хотите поспорил бы, что эти работы ее работе и в подметки не годятся. А еще, если уж говорить о его матери, так спрашивать ее о чем-то, значило наверняка нарваться на неприятности. Если, например, спросить, почему ей по карману три платья от «Сирса» – и одно из них шелковое, а не по карману три месяца вносить по одиннадцать долларов пятьдесят центов за «швинн» в витрине «Вестерн авто» – велик был красно-серебряный и от одного взгляда на него у Бобби начинало щемить под ложечкой. Задай такой вот вопрос и сразу нарвешься.

Бобби его не задавал. Он просто решил сам заработать на велик. Накопит он, сколько нужно, не раньше осени, а то и зимы. Так что, может, к тому времени этот велик исчезнет с

витрины «Вестерн авто», но он будет добиваться своего. Надо натирать мозоли и не покладать рук. Жизнь нелегка, и жизнь несправедлива.

Когда одиннадцатый день рождения Бобби прикатил в последний вторник апреля, мама подарила ему плоский пакетик из серебряной бумаги. Внутри оказалась оранжевая библиотечная карточка. ВЗРОСЛАЯ библиотечная карточка! Прощайте, Нэнси Дру, Мальчишки Харди и Дон Уинслоу, военный моряк. Привет всем прочим! Расскажам, полным таинственной мутной страсти, вроде как «Тьма на верхней лестничной площадке». Не говоря уж об окровавленных кинжалах в комнатах наверху башен. (Тайн и комнат наверху башен хватало и в книжках о Нэнси Дру и братьях Харди, но вот крови в них было всего ничего, а уж страсти так и вовсе никогда.)

– Не забывай только, что миссис Келтон на выдаче моя подруга, – сказала мама своим обычным сухим предупреждающим тоном, но она была рада его радости, заметила ее. – Если попробуешь взять «Пейтон-Плейс» или «Кингз Роу», я об этом узнаю.

Бобби улыбнулся. Он и так это знал.

– А если будет дежурить другая, мисс Придира, и спросит, почему у тебя оранжевая карточка, скажи ей, чтобы посмотрела на обороте. Я вписала разрешение над моей подписью.

– Спасибо, мам, это здорово.

Она улыбнулась, наклонила голову и быстро скользнула сухими губами по его щеке. Раз – и все.

– Я рада, что тебе понравилось. Если вернусь не поздно, пойдем в «Колонию», попробуем жареных мидий и мороженое. А пирога тебе придется подождать до субботы, раньше у меня не будет времени его испечь. А теперь надевай куртку и пошевеливайся, сынуля. В школу опоздаешь.

Они спустились по лестнице и вместе вышли из двери. У тротуара стояло такси. Мужчина в поплиновой куртке наклонился к заднему окошку, расплачиваясь с водителем. Позади него стояли чемоданы и бумажные пакеты – которые с ручками.

– Наверное, это тот, который снял комнату на третьем этаже, – сказала Лиз, и ее губы собрались складками, будто кто-то потянул шнурок. Она стояла на верхней ступеньке крыльца, оглядывая узкую задницу мужчины (она выпятилась на них, когда он нагнулся к водителю). – Мне не нравятся люди, которые перевозят свои вещи в бумажных пакетах. Для меня от вещей в бумажных пакетах пахнет трущобами.

– Так у него ж и чемоданы есть, – сказал Бобби, но, собственно, его мать могла бы и не намекать, что три чемоданчика нового жилья многого не стоили. Не из комплекта, и у всех такой вид, будто их кто-то в скверном настроении наподдал сюда из Калифорнии.

Бобби и его мама пошли по бетонной дорожке. Такси отъехало. Мужчина в поплиновой куртке обернулся. Для Бобби все люди распадались на три категории: ребята, взрослые и старичье. Старичье – это были взрослые с седыми волосами. Новый жилец был из них. Лицо худое, усталое. Не морщинистое (только вокруг поблекших голубых глаз), но все в глубоких складках. Седые волосы были тоненькими, как у младенца, с большими залысинами надо лбом в желто-коричневых пятнах. Он был высокий и сутулился, совсем как Борис Карлофф в ужастиках, которые по пятницам в 11.30 вечера показывали по WPIX. Под поплиновой курткой был дешевый рабочий костюм, вроде бы великоватый для него. А на ногах – стоптанные ботинки из цветной кожи.

– Привет, соседи, – сказал он и улыбнулся, словно бы с трудом. – Зовусь я Теодор Бротиген. Думаю пожить тут.

Он протянул руку матери Бобби, а она чуть к ней прикоснулась.

– Я – Элизабет Гарфилд. А это мой сын Роберт. Вы извините нас, мистер Бреттиген...

– Бротиген, мэм, но буду счастлив, если вы и ваш сынок станете называть меня Тед.

– Да-да, но Роберт опаздывает в школу, а я опаздываю на работу. Приятно было познакомиться, мистер Броттиген. Поторопись, Бобби. *Tempus fugit*¹⁴.

Она зашагала вниз по улице к центру, а Бобби направился вверх по улице (и заметно медленнее) к Харвичской средней школе на Эшер-авеню. Пройдя по этому пути три-четыре шага, он остановился и посмотрел назад. Он чувствовал, что его мама была груба с мистером Броттигеном, что она задавалась. А в маленьком кружке его друзей не было хуже порока. Кэрол не терпела задавак и Салл-Джон тоже. Мистер Броттиген уже, наверное, прошел половину бетонной дорожки, но если нет, то Бобби захотелось ему улыбнуться: пусть знает, что по крайней мере один член семьи Барфилдов не задается.

Его мама тоже остановилась и тоже оглянулась. Не потому, что ей захотелось еще раз взглянуть на мистера Броттигена, это Бобби и в голову не пришло. Нет. Оглянулась она на своего сына. Она ведь знала, что он обернется, еще до того, как он решил это сделать. И в эту секунду какая-то тень легла на его обычно солнечную натуру. Она иногда говорила, что скорее в июле снег пойдет, чем Бобби удастся ее провести, и он полагал, что так оно и есть. Да и вообще, сколько вам должно быть лет, прежде чем вы сумеете провести свою мать? Двадцать? Тридцать? Или, может, вам придется подождать, пока она не состарится и у нее немножко помутится в голове?

Мистер Броттиген даже еще не свернул на дорожку. Он стоял у края тротуара – в каждой руке он держал по чемоданчику, третий зажимал под мышкой (три бумажных пакета он уже перенес на траву у дома номер 149 по Броуд-стрит) и сутулился под их тяжестью даже сильнее, чем раньше. Он стоял прямо между ними, будто столб какой-то.

Взгляд Лиз Гарфилд метнулся мимо него на сына. «Иди! – скомандовали ее глаза, – не говори ни слова. Он незнакомый человек, неизвестно откуда, вообще ниоткуда, и половина его вещей в бумажных пакетах. Не говори ни слова, Бобби, просто иди дальше, и все».

А вот и нет! Может, потому, что на день рождения он получил библиотечную карточку, а не велик.

– Рад был познакомиться, мистер Броттиген, – сказал Бобби. – Надеюсь, вам тут понравится. Всего хорошего.

– Удачного дня в школе, сынок, – сказал мистер Броттиген. – Узнай побольше. Твоя мама права – *tempus fugit*.

Бобби посмотрел на мать в надежде, что его маленький бунт прощен благодаря этой равно маленькой лести, но ее губы остались сжатыми. Не сказав больше ни слова, она повернулась и пошла вниз по склону. Бобби зашагал своей дорогой, радуясь, что поговорил с незнакомым мистером Броттигеном, пусть даже потом мама разочтется с ним за это.

Приближаясь к дому Кэрол Гербер, он достал оранжевую библиотечную карточку и посмотрел на нее. Конечно, не двадцатишестидюймовый «швинн», но все равно очень даже хорошо. Целый мир книг, чтобы его исследовать, ну а если он и стоил всего два-три доллара, так что? Есть же поговорка: дорог не подарок...

Ну... так, во всяком случае, говорит его мама.

Он посмотрел на обратную сторону карточки. Там ее властным почерком было написано: «Всем, кого это может касаться: это библиотечная карточка моего сына. Он имеет мое разрешение брать три книги в неделю из взрослого отдела Харвичской публичной библиотеки». И подпись: «Элизабет Пенроуз Гарфилд».

Под ее фамилией, будто постскрипtum, она добавила: «Пени за просрочку Роберт будет платить сам».

– С днем рождения! – закричала Кэрол Гербер, выскакивая из-за дерева, где ждала в засаде. Она обхватила его руками за шею и изо всех сил чмокнула в щеку. Бобби покраснел

---

¹⁴ Время бежит (лат.).

и оглянулся – не видит ли кто? Черт, дружить с девчонкой нелегко и без поцелуев врасплох! Но все обошлось. По Эшер-авеню на вершине холма в сторону школы двигались обычные вереницы школьников, но здесь на склоне они были одни.

Бобби старательно вытер щеку.

– Брось! Тебе же понравилось, – сказала Кэрол со смехом.

– А вот и нет, – сказал Бобби. И соврал.

– Так что тебе подарили на день рождения?

– Библиотечную карточку, – ответил Бобби и показал ей карточку. – ВЗРОСЛУЮ.

– Здорово! – Он увидел в ее глазах... сочувствие? Наверное, нет. А если и да, так что?

– Вот, бери, – и она протянула ему конверт с золотой каемкой и его именем печатными буквами посередине. И еще она наклеила на конверт сердечки и плюшевых медвежат.

Бобби с некоторой опаской распечатал конверт, напоминая себе, что открытку можно засунуть поглубже в задний карман брюк, если она уж чересчур сю-сю.

Вовсе нет. Может, немножечко чуть-чуть детская (мальчишка верхом в широкополой шляпе на голове, а на обороте надпись, будто деревянными буквами: «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, КОВБОЙ!»), но не сю-сю. Вот «С любовью от Кэрол», конечно, не без сю-сю, ну так чего и ждать от девчонки?

– Спасибо.

– Я знаю, открытка для малышей, но другие были еще хуже, – деловито сказала Кэрол.

Чуть дальше вверх по холму их ждал Салл-Джон, всюю упражняясь со своим бо-ло – под правую руку, под левую руку, за спину. А вот между ногами больше ни-ни. Как-то попробовал на школьном дворе и врезал себе по яйцам. Салл завизжал. Бобби и еще несколько ребят ржали до слез. Кэрол и три ее подружки прибежали спросить, что случилось, а ребята все сказали «да ничего» – Салл-Джон сказал то же самое, хотя совсем побелел и чуть не плакал. «Все мальчишки дураки», – сказала Кэрол тогда, но Бобби не верил, что она и вправду так думает. Не то не выскочила бы из-за дерева и не поцеловала бы его! А поцелуй был хороший. По-настоящему клевый. Собственно, получше маминого.

– И вовсе не для малышей, – сказал он.

– Да, но почти, – сказала она. – Я хотела купить тебе взрослую открытку, но они такое сю-сю.

– Я знаю, – сказал Бобби.

– Когда ты станешь взрослым, Бобби, то будешь сю-сю?

– Нет уж, – сказал он. – А ты?

– Ну, нет. Я буду, как Рионда, мамина подруга.

– Так Рионда же толстая, – с сомнением сказал Бобби.

– Угу, но она что надо. Вот и я буду что надо, только не толстой.

– К нам переехал новый жилец. В комнату на третьем этаже. Мама говорит, там настоящее пекло.

– Да? А какой он? – она хихикнула. – Утютюшечка?

– Он старик, – сказал Бобби и на секунду замолчал, прикидывая. – Но у него интересное лицо. Маме он сразу не понравился, потому что привез свои вещи в бумажных пакетах.

К ним подошел Салл-Джон.

– С днем рождения, сукин сын, – сказал он и хлопнул Бобби по спине. «Сукин сын» было на данном этапе любимым выражением Салл-Джона, а Кэрол – «что надо». Бобби на данном этапе обходился без любимого выражения, хотя и думал, что «сверхдерьмово» звучит очень неплохо.

– Если будешь ругаться, я с тобой не пойду, – сказала Кэрол.

– Ладно, – покладисто сказал Салл-Джон.

Кэрол была кудрявой блондиночкой, похожей на близняшек Боббси, только подросток; Джон Салливан был высокий, черноволосый, зеленоглазый. Вроде Джо Харди. Бобби Гарфилд шагнул между ними, забыв про недавнюю грусть. День его рождения, он с друзьями, и жизнь прекрасна. Он спрятал открытку Кэрол в задний карман, а новую библиотечную карточку сунул глубже в нагрудный карман – оттуда ее никто не украдет, и она не выскользнет.

Кэрол пошла вприпрыжку, Салл-Джон сказал, чтобы она перестала.

– Почему? – спросила Кэрол. – Мне нравится прыгать.

– Мне нравится говорить «сукин сын», но я же не говорю, раз ты меня попросила, – ответил Салл-Джон назидательно.

Кэрол посмотрела на Бобби.

– Прыгать, если не через скакалку, это больше для малышей, Кэрол, – виновато сказал Бобби, а потом пожал плечами, – но прыгай, если тебе хочется, мы не против, верно, Эс-Джей?

– Угу, – ответил Салл-Джон и принялся тренироваться с бо-ло. Назад – вперед, вверх – вниз, хлоп-хлоп-хлоп.

Кэрол не стала прыгать. Она шла между ними и воображала, будто она подружка Бобби Гарфилда, будто у Бобби есть водительские права и «бьюик», и они едут в Бриджпорт на фестиваль рок-н-ролла. Она считала Бобби совсем что надо. А сам он этого не знает, и это уж совсем что надо.

Бобби вернулся домой из школы в три часа. Он вернулся бы раньше, но сбор бутылок, которые можно сдать, входил в его кампанию ЗА ВЕЛИК КО ДНЮ БЛАГОДАРЕНИЯ, и он свернул в кусты за Эшер-авеню поискать их. Нашел три «Рейнгольда» и «Нихай». Немного, но восемь центов, это восемь центов. «Цент доллар бережет» – было еще одно приеловие его мамы.

Бобби вымыл руки (парочка бутылок облипла всякой гадостью), достал из холодильника поесть, перечел парочку старых комиксов с Суперменом, опять достал поесть из холодильника, а потом начал смотреть «Американскую эстраду». Позвонил Кэрол сказать ей, что в программе Бобби Дейрин – она ведь думала, что Бобби Дейрин самое что надо, особенно когда поет «Королеву вечеринки» и прищелкивает пальцами, – но она уже знала. Она смотрела телек с дурами-подругами – три-четыре их без передышки хихикали на заднем плане. Бобби вспомнились птички в зоомагазине. На экране в эту минуту Дик Кларк показывал, сколько прыщей способен изничтожить ВСЕГО ОДИН тампон «Стри-Декс».

Мама позвонила в четыре. Мистеру Бидермену она будет нужна до самого вечера. Ей очень жаль, но праздничный ужин в «Колонии» отменяется. В холодильнике есть вчерашнее тушеное мясо – он может поужинать им, а она обязательно вернется в восемь уложить его баиньки. И ради всего святого, Бобби, не забудь выключить газ, когда подогреешь мясо.

Бобби разочарованно вернулся к телевизору, но он, собственно, ничего другого и не ждал. На «Американской эстраде» Дик теперь представлял жюри по оценке пластинок. Бобби подумал, что типчику в середине никакого запаса тампонов «Стри-Декс» не хватит.

Он сунул руку в нагрудный карман и вытащил новую оранжевую библиотечную карточку. На душе у него опять легчало. Не для чего ему сидеть перед телевизором со стопкой старых комиксов, если ему не хочется. Можно пойти в библиотеку и предъявить свою новую карточку – свою новую ВЗРОСЛУЮ карточку. На выдаче будет мисс Придира, только по-настоящему она – мисс Харрингтон, и Бобби считал ее очень красивой. Она душилась. Он всегда чувствовал, как от ее кожи и волос чуть веет чем-то благоуханным, будто приятное воспоминание. И хотя Салл-Джон сейчас берет урок игры на тромбоне, на обратном пути можно будет зайти к нему побросать мяч.

«Кроме того, – подумал он, – можно смотаться к Спайсеру и сдать бутылки, мне же надо заработать за лето на велосипед».

И сразу жизнь переполнилась смыслом.

Мама Салла пригласила Бобби остаться на ужин, но он ответил, нет, спасибо, мне лучше пойти домой. Он, конечно, предпочел бы жаркое миссис Салливан и хрустящую картошку из духовки тому, что ожидало его дома, но он знал, что едва вернувшись с работы, мать тут же заглянет в холодильник проверить, не стоит ли там еще тапперуэр с остатками тушеного мяса. И если увидит его, то спросит Бобби, что же он ел на ужин. Вопрос она задаст спокойно, даже небрежно. Если он скажет, что поел у Салл-Джона, она кивнет и спросит, что они ели, и был ли десерт, и еще: поблагодарил ли он миссис Салливан; она даже сядет рядом с ним на диван, и они разделят стаканчик мороженого, пока будут смотреть по телику «Шугарфут». И все будет отлично... да только не будет. Рано или поздно, а поплатиться придется. Может, через день, или через два, или даже через неделю, но придется. Бобби знал это твердо, почти не зная, что знает. Без сомнения, ей необходимо было задержаться на работе, однако есть в одиночку вчерашнее тушеное мясо в день рождения было помимо всего еще и карой за то, что он самовольно заговорил с новым жильцом. Если он попытается увернуться от этого наказания, оно только умножится, точно деньги на счету в банке.

От Салл-Джона Бобби вернулся в четверть седьмого, и уже темнело. У него были две нечитанные книжки: про Перри Мейсона, «Дело о бархатных коготках», и научно-фантастический роман Клиффорда Саймака под названием «Кольцо вокруг Солнца». Обе выглядели сверхдерьмово, а мисс Харрингтон ничуть к нему не придиралась. Наоборот, сказала, что книги эти для более старшего возраста и он молодец, что их читает.

По дороге домой от Эе-Джея Бобби сочинил историю, в которой он и мисс Харрингтон плыли на прогулочном теплоходе, а он утонул. Спаслись только они двое, потому что нашли спасательный круг с надписью «т/х ЛУЗИТАНИК»¹⁵. Волны вынесли их на островок с пальмами, джунглями и вулканом, и пока они лежали на пляже, мисс Харрингтон вся дрожала и говорила, что ей холодно, очень холодно, так не мог бы он, пожалуйста, обнять ее покрепче и согреть, и он, конечно, мог и сделал так – «с удовольствием, мисс Харрингтон», и тут из джунглей вышли туземцы, вроде бы дружелюбные, но они оказались каннибалами, которые жили на склонах вулкана и убивали свои жертвы на поляне, окруженной черепами, так что дело было плохо, но когда его и мисс Харрингтон потащили к кипящему котлу, вулкан заворчал и...

– Привет, Роберт.

Бобби поднял глаза, растерявшись даже больше, чем когда Кэрол выскочила из-за дерева, чтобы отпечатать у него на щеке поцелуй с днем рождения. Его окликнул новый жилец. Он сидел на верхней ступеньке крыльца и курил сигарету. Свои старые стоптанные ботинки он сменил на старые стоптанные шлепанцы и снял поплиновую куртку – вечер был теплый. Просто, как у себя дома, подумал Бобби.

– Ой, мистер Бротиген. Привет.

– Я не хотел тебя напугать.

– Так вы и не...

– А по-моему, да. Ты ведь был в тысячах миль отсюда. И, пожалуйста, называй меня Тед.

– Ладно. – Но Бобби не знал, получится ли у него. Называть взрослого (а к тому же старого взрослого) по имени шло вразрез не только с поучениями его матери, но и его собственными склонностями.

– Уроки прошли хорошо? Научился чему-нибудь новому?

– Угу, отлично. – Бобби переступил с ноги на ногу, перекинул библиотечные книги из руки в руку.

– Ты не посидишь со мной минутку?

---

¹⁵ Составное название: «Лузитания» – английский пассажирский пароход, потопленный немецкой подлодкой в 1915 году; «Титаник» – английский пассажирский пароход, затонувший в 1912 году после столкновения с айсбергом.

– Конечно, только долго я не могу. Надо еще кое-что сделать, понимаете?

Главным образом – поужинать: вчерашнее тушеное мясо теперь казалось ему уже очень заманчивым.

– Понимаю. Сделать кое-что, а *tempus fugit*.

Когда Бобби сел возле мистера Бротигена... Теда... на широкой ступеньке, вдыхая аромат его «честерфилдки», ему пришло в голову, что он еще никогда не видел, чтобы человек выглядел таким усталым. Не от переезда же, верно? Насколько можно измучиться, когда вся твоя поклажа уместилась в трех чемоданчиках и трех бумажных пакетах с ручками? Может, попозже приедут грузчики с вещами в фургоне? Но Бобби решил, что вряд ли. Это ведь просто комната – большая, но все-таки одна-единственная комната с кухней с одного бока и всем остальным – с другого. Они с Салл-Джоном поднялись туда и поглядели, после того как старенькая мисс Сидли после инсульта переехала жить к дочери.

– *Tempus fugit* значит, что время бежит, – сказал Бобби. – Мама часто это говорит. И еще она говорит, что время и приливы никого не ждут и что время залечивает все раны.

– У твоей матери много присловий, верно?

– Угу, – сказал Бобби, и внезапно воспоминание обо всех этих присловиях навалилось на него, как усталость. – Много присловий.

– Бен Джонсон назвал время старым лысым обманщиком, – сказал Тед Бротиген, глубоко затаился и выпустил две струйки дыма через нос. – А Борис Пастернак сказал, что мы пленники времени, заложники вечности.

Бобби завороченно посмотрел на него, временно забыв о своем пустом желудке. Образ времени как старого лысого обманщика ему страшно понравился – это было абсолютно и безусловно так, хотя он не мог бы сказать, почему... и ведь эта неспособность сказать почему вроде бы добавляла клевости? Будто что-то внутри яйца или тень за матовым стеклом.

– А кто такой Бен Джонсон?

– Англичанин и уже давно покойник, – сказал мистер Бротиген. – Эгоист и жадный на деньги по общему отзыву, а к тому же склонный к метеоризму. Но...

– А что это такое, метеоризм?

Тед высунул язык между губами и издал коротенькое, но очень реалистическое пуканье. Бобби прижал ладонь ко рту и захихикал в сложенные лодочкой пальцы.

– Дети считают пуканье смешным, – сказал Тед Бротиген, кивая. – Да-да. А вот для человека моего возраста это просто часть все возрастающей странности жизни. Бен Джонсон, кстати, сказал, попукивая, много мудрых вещей. Не так много, как доктор Джонсон – то есть Сэмюэл Джонсон, – но все-таки порядочно.

– А Борис...

– Пастернак. Русский, – сказал мистер Бротиген пренебрежительно. – Пустышка, по моему. Можно я посмотрю твои книги?

Бобби протянул их. Мистер Бротиген («Тед, – напомнил он себе, – его надо называть Тедом») вернул ему Перри Мейсона, едва взглянув на обложку. Роман Клиффорда Саймака он подержал подольше – сначала прищурился на обложку сквозь завитки сигаретного дыма, застилавшего ему глаза, затем пролистал. И пролистывая, он кивал.

– Этот я читал, – сказал он. – У меня было много времени для чтения перед тем, как я переехал сюда.

– Да? – Бобби загорелся. – Хороший?

– Один из лучших, – ответил мистер Бротиген... Тед. Он покосился на Бобби – один глаз открыл, а второй все еще сощурился из-за дыма. От этого он выглядел одновременно и мудрым, и таинственным, будто типчик в фильме, которому пальца в рот не клади. – Но ты уверен, что осилишь? Тебе ведь не больше двенадцати.

– Мне одиннадцать, – сказал Бобби. Так здорово, что Тед дал ему двенадцать лет. – Сегодня одиннадцать. Я осилю. Может, пойму не все, но если он хороший, то мне понравится.

– Твой день рождения! – сказал Тед, словно это произвело на него большое впечатление. Он в последний раз затянулся и бросил сигарету. Она упала на бетонную дорожку и рассыпалась искрами. – Поздравляю с днем рождения, Роберт, желаю всякого счастья!

– Спасибо. Только «Бобби» мне нравится больше.

– Ну, так Бобби. Пойдете куда-нибудь отпраздновать?

– Не-а. Мама придет с работы поздно.

– Не хочешь подняться в мою каморку? Много я предложить не могу, но банку открыть сумею. И как будто у меня есть печенье...

– Спасибо, но мама мне кое-чего оставила. На ужин.

– Понимаю. – И чудо из чудес: казалось, он и правда понял. Тед отдал Бобби «Кольцо вокруг Солнца». – В этой книге, – сказал он, – мистер Саймак постулирует идею, что существуют миры, такие же, как наш. Не другие планеты, а другие Земли, параллельные Земли, окружающие Солнце своего рода кольцом. Замечательная мысль.

– Угу, – сказал Бобби. Он знал о параллельных мирах из других книг. И еще из комиксов. Тед Бротиген теперь смотрел на него задумчиво, будто что-то взвешивая.

– Чего? – спросил Бобби, вдруг почувствовав себя неловко. «Что-то зеленое увидел?» – сказала бы его мать.

Ему было показалось, что Тед не ответит – он как будто следовал какому-то сложному, всепоглощающему ходу мысли. Потом он дернул головой и выпрямил спину.

– Да ничего, – сказал он. – Мне пришла одна мысль. Может, ты хотел бы подработать? Не то, чтобы у меня много денег, но...

– Ага! Черт! Ага! – И чуть было не добавил: «Я на велик коплю», но удержался. «Лишнего не болтай!» – еще одно из маминых присловий. – Я все сделаю, что вам надо!

Тед Бротиген словно бы почти испугался и почти засмеялся. Будто открылась дверь, и стало видно другое лицо, и Бобби увидел, что да, этот старый человек был когда-то молодым человеком. И, может быть, с перчиком.

– Таких вещей, – сказал он, – не следует говорить незнакомым. И хотя мы перешли на «Бобби» и «Теда» – хорошее начало, – мы все-таки еще не знакомы.

– А кто-нибудь из этих Джонсонов что-нибудь говорил про незнакомых?

– Насколько я помню, нет, но вот кое-что на эту тему из Библии: «Ибо я странник у тебя и пришелец. Отступи от меня, чтобы я мог подкрепиться прежде, нежели отойду...» – На мгновение Тед умолк. Смех исчез с его лица, и оно снова стало старым. Потом его голос окреп, и он закончил: «Прежде, нежели отойду, и не будет меня». Псалом. Не помню, который.

– Ну, – сказал Бобби, – я убивать и грабить не стану, не беспокойтесь, но мне очень надо немножко подзаработать.

– Дай мне подумать, – сказал Тед. – Дай мне немножко подумать.

– Да, конечно. Но если надо какую-нибудь работу сделать или еще там чего, то я всегда готов. Я вам прямо говорю.

– Работа? Может быть. Хотя я употребил бы другое слово. – Тед обхватил костлявые колени еще более костлявыми руками и посмотрел через газон на Брод-стрит. Уже почти совсем стемнело. Наступила та часть вечера, которую Бобби особенно любил. Проезжающие машины зажгли подфарники и фонари сзади, а где-то на Эшер-авеню миссис Сигсби звала своих близняшек, чтобы они шли домой ужинать. В это время суток – и еще на заре, когда он стоял в ванной и мочился в унитаз, а солнечные лучи падали через окошечко на его слипающиеся глаза – Бобби ощущал себя сном в чьей-то голове.

– А где вы жили, пока не переехали сюда, мистер... Тед?

– В месте, которое не было таким приятным, – ответил он. – Далеко не таким. А вы давно тут живете, Бобби?

– Как себя помню. С тех пор, как папа умер. Мне тогда три было.

– И ты знаешь всех на улице? Во всяком случае, в этом квартале?

– Да, пожалуй, что всех. Ага!

– И сумеешь узнать странников. Пришельцев. Чьих лиц прежде не видел?

Бобби улыбнулся и кивнул.

– Угу. Думается, сумею.

Он выжидающе замолчал – дело становилось все интереснее, но, видимо, на этом все и кончилось. Тед встал, медленно, осторожно. Бобби услышал, как у него в спине пощелкивают косточки: он прижал к ней ладони, потянулся и поморщился.

– Пошли, – сказал он. – Зябко становится. Я войду с тобой. Твой ключ или мой?

– Лучше начните ваш притирать, – улыбнулся Бобби. – Ведь верно?

Тед – становилось все легче называть его Тедом – вытащил из кармана кольцо с ключами. Всего с двумя – от большой входной двери и от его комнаты. Оба были блестящие, новые, цвета сусального золота. Собственные его ключи потускнели, исцарапались. Сколько лет Теду? Он решил, что самое меньшее – шестьдесят. Шестидесятилетний человек всего с двумя ключами в кармане. Что-то тут не так.

Тед открыл дверь, и они вошли в большой темный вестибюль с подставкой для зонтиков и старой картиной, на которой Льюис и Кларк¹⁶ озирали американский Запад. Бобби повернул к двери Барфилдов, а Тед направился к лестнице и остановился там, положив руку на перила.

– В книге Саймака, – сказал он, – замечательный сюжет, но вот написана она не так, чтобы очень. Неплохо, конечно, но, поверь мне, есть лучше.

Бобби выжидающе молчал.

– И есть книги, написанные замечательно, но сюжеты у них не очень. Иногда читай ради сюжета, Бобби. Не бери примера с книжных снобов, которые так не читают. А иногда читай ради слов, ради стиля. Не бери примера с любителей верняка, которые так не читают. Но когда найдешь книгу и с хорошим сюжетом и хорошим стилем, держись этой книги.

– А таких много, как по-вашему? – спросил Бобби.

– Больше, чем думают снобы и верняки. Гораздо больше. Может быть, я подарю тебе такую. Как запоздалый подарок на день рождения.

– Да вы не беспокойтесь.

– Не стану. Но, может быть, я все-таки подарю. А теперь – счастливого дня рождения.

– Спасибо. Он был замечательный.

Тут Бобби вошел в квартиру, подогрел тушеное мясо (не забыв выключить газ, когда жидкость запузырилась, и не забыл положить сковородку в раковину отмокать) и поужинал в одиночку, читая «Кольцо вокруг Солнца» с телевизором за компанию. Он почти не слышал, как Чет Хантли и Дэвид Бринкли проборматывают вечерние новости. Тед правильно сказал про эту книжку – очень клевая. И слова ему тоже показались в самый раз, но ведь он пока не очень в этом разбирается.

«Вот бы написать такую книжку, – подумал он, когда наконец закрыл роман и плюхнулся на диван смотреть «Шугар-фут», – только вот, сумею ли?»

Может быть. Да, может. Кто-то ведь пишет книжки также, как кто-то чинит трубы, когда они замерзают, или меняет лампочки в парке, когда они перегорают.

Примерно через час, когда Бобби снова принялся читать «Кольцо вокруг Солнца», вошла его мать. У нее чуть стерлась помада в уголке рта, и комбинация немножко выглядывала из-под юбки. Бобби хотел было сказать ей про это, но тут же вспомнил, как она не любит, чтобы

---

¹⁶ Руководители экспедиции, исследовавшей в 1804–1806 гг. области к западу от Миссисипи.

ей говорили, что «на юге снег идет». Да и зачем? Ее рабочий день кончился и, как она иногда говорила, тут же нет никого, кроме нас, птичек.

Она проверила холодильник, не стоит ли там вчерашнее тушеное мясо, проверила плиту, погашена ли горелка, проверила раковину, отмокают ли там в мыльной воде сковородка и тапперуэровский пластиковый контейнер. Потом поцеловала его в висок – мазнула губами на ходу – и ушла к себе в спальню снять рабочий костюм и колготки. Она казалась рассеянной, занятой своими мыслями. И не спросила, хорошо ли он провел свой день рождения.

Попозже он показал ей открытку Кэрол. Она поглядела, не видя, сказала «очень мило» и вернула ему открытку. Потом сказала, чтобы он шел мыться, чистить зубы и спать. Бобби послушался, не упомянув про свой интересный разговор с Тедом. В таком своем настроении она рассердилась бы. Лучше всего было оставить ее в покое, не мешать думать о своем, сколько ей надо, дать ей время возвратиться к нему. И все-таки, кончив чистить зубы и забравшись в постель, он почувствовал, что на него снова наваливается тоскливое настроение. Иногда он изнывал без нее, словно от голода, а она даже и не знала.

Бобби свесился с кровати и закрыл дверь, оборвав звуки какого-то старого фильма. И погасил свет. И вот тогда, когда он уже задремывал, она вошла, села на край кровати и сказала, что жалеет, что была неразговорчивой, но работы было очень много и она устала. Она провела пальцем по его лбу, а потом поцеловала в это место – он даже задрожал. Сел на постели и изо всех сил ее обнял. Она было напряглась от его прикосновения. Но потом расслабилась и даже сама его обняла на секунду. Он подумал, что сейчас, пожалуй, самое время рассказать ей про Теда. Во всяком случае, немножко.

– Когда я пришел из библиотеки домой, то поговорил с мистером Бротигеном, – сказал он.

– С кем?

– С новым жильцом на третьем этаже. Он попросил, чтобы я называл его Тедом.

– Ну нет, и думать не смей! Ты же его в первый раз видел.

– Он сказал, что взрослая библиотечная карточка – самый замечательный подарок мальчику.

Тед ничего подобного не говорил, но Бобби прожил со своей матерью достаточно долго, чтобы знать, что сработает, а что нет.

Она немножко расслабилась.

– А он сказал, откуда приехал?

– Не из такого приятного места, как тут. Вроде бы он так сказал.

– Ну, нам это ни о чем не говорит, верно? – Бобби все еще обнимал ее. И мог бы обнимать еще хоть час, вдыхая запах ее шампуня «Уайт рейн» и лака для волос «Аква-Нет», и приятный аромат табака в ее дыхании, но она высвободилась из его рук и опрокинула его на подушку. – Что же, если он станет твоим другом... твоим ВЗРОСЛЫМ другом, мне следует с ним познакомиться.

– Ну...

– Может быть, он мне понравится больше без бумажных пакетов на газоне. – Для Лиз Гарфилд это было прямо-таки извинением, и Бобби обрадовался. День все-таки закончился очень хорошо. – Спокойной ночи, новорожденный.

– Спокойной ночи, мам.

Она вышла и закрыла дверь. Позднее ночью – много позднее – ему показалось, что он слышит, как она плачет, но, может, ему приснилось.

**II. Двойное отношение к Теду. Книги вроде насосов.
Даже не думай об этом. Саля выигрывает приз.
Бобби получает работу. Признаки низких людей**

В последующие недели, пока погода все больше теплела навстречу лету, Тед обычно покуривал на крыльце, когда Лиз возвращалась с работы. Иногда он был один, а иногда с ним рядом сидел Бобби, и они разговаривали о книгах. Иногда Кэрол и Салл-Джон тоже были там – они трое перекидывались мячом на газоне, а Тед курил и смотрел на них. Иногда приходили другие ребята – Денни Риверс с бальсовым планером, тронутый Фрэнсис Аттерсон на самокате, отталкиваясь непомерно большой ногой, Анджела Эвери и Ивонна Лавинг – спросить Кэрол, не пойдет ли она к Ивонне поиграть в куклы или в игру «Медицинская сестра», – но чаще это были только Эс-Джей и

Кэрол, самые-самые друзья Бобби. Все ребята называли мистера Бротигена Тедом, но когда Бобби объяснил, почему будет лучше, если они станут называть Теда мистером Бротигеном в присутствии его мамы, Тед сразу согласился.

А его мама словно не могла выговорить «Бротиген». У нее всегда получалось Бреттиген. Но, может быть, и не нарочно. Теперь Бобби не переставал бояться того, как его мама будет относиться к Теду. Он боялся, что она будет относиться к Теду, как к миссис Эверс, его учительнице во втором классе. Мама невзлюбила миссис Эверс с первого взгляда, СТРАШНО невзлюбила – и совсем без причины, насколько мог судить Бобби, и не нашла для нее ни одного доброго слова за весь учебный год – миссис Эверс одевается, как неряха, миссис Эверс красит волосы, миссис Эверс злоупотребляет макияжем, и пусть Бобби сразу скажет, если миссис Эверс ХОТЬ ПАЛЬЦЕМ до него дотронется, потому что сразу видно, что она из тех женщин, которые не скупятся на тычки и щипки. И все это воспоследовало после родительского собрания, на котором миссис Эверс сказала Лиз, что Бобби хорошо успевает по всем предметам. В том году было еще четыре родительских собрания, и мать Бобби нашла предлог не побывать ни на одном из них.

Мнение Лиз о людях затвердевало мгновенно. Когда она подписывала НИКУДА НЕ ГОДИТСЯ под мысленным вашим портретом, она писала это чернилами. Если бы миссис Эверс вытащила шестерых ребят из загоревшегося школьного автобуса, Лиз Гарфилд вполне могла фыркнуть и сказать, что они, наверное, задолжали пучеглазой старой корове за молоко.

Тед старался, как мог, понравиться ей, не подлизываясь (а люди подлизывались к его маме, Бобби знал это – черт, он ведь сам к ней подлизывался), и это сработало... отчасти. Как-то раз Тед и мама Бобби разговаривали почти десять минут о том, как скверно, что «Доджеры» переехали на другой край страны и даже «прощайте» не сказали. Но и то, что оба болели за «Доджеров», не выбило между ними настоящей искры. Другими они никогда не станут. Не то чтобы мама невзлюбила Теда Бротигена, как миссис Эверс, но все-таки что-то было не так. Бобби думал, что знает, в чем дело – он видел это у нее в глазах в то утро, когда они встретились с новым жильцом. Лиз ему не доверяла.

И Кэрол Гербер тоже, как оказалось.

– Иногда мне кажется, он от чего-то прячется, – сказала она однажды вечером, когда они втроем поднимались на холм в сторону Эшер-авеню.

Они перебрасывались мячом около часа, болтая с Тедом, а теперь направлялись к «Придорожному счастью» Муна за мороженым. У Эс-Джея было тридцать центов, и он угощал. Еще с ним был его бо-ло: теперь он его вытащил из заднего кармана и закрутил – вверх, вниз, поперек – хлоп, хлоп, хлоп.

– Прячется? Ты что – шутишь? – Бобби ошеломила такая возможность. Но ведь Кэрол разбиралась в людях, даже его мать это заметила. «Эта девчонка совсем не красавица, но все подмечает», – сказала она как-то вечером.

– Руки вверх, мистер Гэрриджл! – завопил Салл-Джон. Сунул свой бо-ло под мышку, пригнулся и открыл огонь из невидимого автомата, искривив рот вправо, чтобы сопровождать это действие соответствующим звуком «кх-кх-кх» из глубины гортани. – Живым ты меня не возьмешь, легавый! Уложи их, Маг-си! Рико никому пощады не дает! Ох! Ах! Они меня прикончили! – Эс-Джей ухватился за грудь, завертелся и хлопнулся мертвым на газон миссис Конлан.

Эта дама, сварливая старая в рифму с «бука» семидесяти пяти лет или около того, завизжала:

– Мальчик! Эй, ма-а-а-льчик! Убирайся! Ты мне цветы переломашь!

В десяти футах от места, где упал Салл-Джон, не было ни единой клумбы, но он тут же вскочил на ноги.

– Извините, миссис Конлан!

Она махнула на него рукой, молча отменяя его извинение, и сверлила взглядом детей, пока они проходили мимо.

– Ты ведь не всерьез, верно? – спросил Бобби у Кэрол. – Про Теда.

– Нет, – сказала она, – пожалуй что, нет. Но... ты когда-нибудь замечал, как он все время лицо оглядывает?

– Ага. Будто ждет кого-то, верно?

– Или высматривает кого-то, – сказала Кэрол.

Салл-Джон опять закрутил бо-ло, и вскоре красный резиновый мячик снова замелькал туда-сюда, сливаясь в одну неясную полоску. Салл опустил его только, когда они проходили «Эшеровский Амфир», где шли два фильма с Брижит Бардо – ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ. ПРЕДЪЯВЛЯТЬ ВОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАВА ИЛИ МЕТРИКУ, НИКАКИХ ИСКЛЮЧЕНИЙ. Один фильм был новый, второй – навязшей в зубах подменой «И Бог создал женщину», которая вновь и вновь появлялась в «Амфире», будто сыпь. На афишах Брижит была одета только в полотенце и улыбку.

– Мама говорит, что она дрянь, уличный мусор, – сказала Кэрол.

– Если она – мусор, так я бы пошел в мусорщики, – сказал Эс-Джей и зашевелил бровями, будто Граучо Маркс.

– А ты тоже думаешь, что она мусор? – спросил Бобби у Кэрол.

– Я даже не совсем понимаю, что это значит.

Когда они выходили из-под полотняного навеса, из своей стеклянной будки у входа кассирша, миссис Годлоу (ребята называли ее миссис Годзилла), подозрительно следила за ними, Кэрол оглянулась на Брижит Бардо в полотенце. Понять выражение ее лица было трудно. Может, любопытство? Бобби не мог решить.

– Но ведь она хорошенькая, верно?

– Угу.

– И надо быть храброй, чтобы позволить людям смотреть на себя, когда на тебе ничего нет, кроме полотенца. То есть я так считаю.

Салл-Джон потерял всякий интерес к la femme Brigitte¹⁷, чуть только она осталась позади.

– Бобби, а откуда Тед приехал?

– Не знаю. Он никогда про это не говорит.

Салл-Джон кивнул, словно другого ответа и не ждал. Он снова начал упражняться с бо-ло. Вверх и вниз, и поперек – хлоп-хлоп-хлоп.

---

¹⁷ женщина Брижит (фр.).

В мае Бобби начал все чаще думать о летних каникулах. Ведь на свете и правда не было ничего лучше «Большого Кана», как их называл Салл-Джон. Он будет много часов проводить с друзьями и на Броуд-стрит, и в Стерлинг-Хаусе по ту сторону парка – летом в Стерлинг-Хаусе было чем заняться, включая бейсбол и еженедельные поездки на Патагонский пляж в Уэст-Хейвине, – и все равно у него будет оставаться еще много времени для себя. Ну, конечно, время читать, но больше всего на этот раз он хотел подыскать работу часа на два в день. В банке с надписью «Велофонд» у него лежало чуть больше семи монет, а семь монет все-таки начало, хотя и не то чтобы прекрасное начало. При такой скорости Никсон успеет два года побыть президентом, прежде чем он поедет в школу на велике.

В один из этих почти-почти каникулярных дней Тед вручил ему книгу в бумажной обложке.

– Помнишь, я тебе говорил, что есть книги, в которых сюжет хороший и стиль тоже? – спросил он. – Вот одна такой породы. Запоздалый подарок ко дню рождения от нового друга. То есть я надеюсь, что я твой друг.

– Так и есть. Большое спасибо! – Несмотря на восторженную ноту в голосе, Бобби взял книгу с некоторым сомнением. Он привык к карманным книжкам с яркими кричащими обложками и сексуальными зазывными строчками – «Она свалилась в сточную канаву... и провалилась еще ниже!» А эта была не такая. Обложка была почти вся белая. В одном углу был виден набросок – еле-еле различимый: мальчики, стоящие кольцом. Называлась книжка «Повелитель мух». Над заголовком не было никакой зазывной строчки. Даже вроде «История, которой вам никогда не забыть». В общем и целом выглядела она неприветливо, отпугивающе, словно сообщала, что история под обложкой будет тяжелой. Против тяжелых книг Бобби ничего не имел, при условии, что они входили в список внеклассного чтения. Однако для чтения ради удовольствия, считал он, истории должны быть легкими – автор должен делать все, только не заставлять ваши глаза метаться туда-сюда. Не то какое удовольствие ее читать?

Он хотел было перевернуть книгу, прочесть то, что написано на задней обложке. Тед ласково положил ладонь на руку Бобби, помешав ему.

– Не надо, – сказал он. – Как личное мне одолжение – не надо.

Бобби непонимающе поглядел на него.

– Книга должна быть, как неисследованные земли. Приступай к ней без карты. Исследуй ее и составь собственную карту.

– А если она мне не понравится?

Тед пожал плечами.

– Тогда не дочитывай ее. Книга – как насос. Он ничего не выдаст, если прежде ты не зарядишь его. Заряжаешь насос собственной водой, качаешь ручку, тратя собственную силу. И поступаешь так, ожидая, что получишь больше, чем отдал... со временем. Понимаешь?

Бобби кивнул.

– Долго ты будешь заряжать насос и качать, если из него ничего не польется?

– Наверное, недолго.

– В этой книге на круг двести страниц. Прочти первые десять процентов – то есть двадцать страниц, я ведь уже знаю, что с математикой у тебя похуже, чем с чтением, – и если она тебе не понравится, если она не будет давать больше, чем забирать, отложи ее.

– Вот если бы и в школе так! – сказал Бобби. Он вспомнил про стихотворение Ралфа Уолдо Эмерсона, которое они должны были выучить наизусть. Оно начиналось: «Где над потоком изогнулся деревянный ветхий мост». Эс-Джей называл поэта Ральф Балда Эмерсуп.

– Школа – другое дело. – Они сидели за кухонным столом Теда, глядя на задний двор, где все цвело. Баузер, пес миссис О'Хара, оглашал мягкий весенний воздух нескончаемым «руф-руф-руф». Тед курил «честерфилдку». – И, кстати, о школе: эту книгу туда с собой не бери. В

ней есть вещи, которые твоя учительница наверняка сочтет не подходящим для тебя чтением. И начнется фантасмагория.

– Чего-чего?

– Скандал. А если у тебя будут неприятности в школе, они будут у тебя и дома. А твоя мать... – Рука с сигаретой начертила в воздухе маленький зигзаг, и Бобби сразу его понял: «Твоя мать мне не доверяет».

Бобби вспомнил, как Кэрол сказала, что Тед, может быть, прячется от кого-то, и вспомнил, как его мать сказала, что Кэрол все подмечает.

– А что в ней такого, что у меня могут быть неприятности? – он посмотрел на «Повелителя мух».

– Ничего, из-за чего стоит беситься, – сухо сказал Тед, раздавил сигарету в жестяной пепельнице, пошел к маленькому холодильничку и достал две бутылки шипучки. Там не было ни пива, ни вин – только рутбир, шипучка из корнеплодов и стеклянная бутылка сливок. – Ну, разговоры о том, чтобы загнать копьё в задницу дикой свиньи, – вот самое плохое. Тем не менее есть взрослые, которые видят только деревья, а лес – никогда. Прочти первые двадцать страниц, Бобби, и ты не остановишься, обещаю тебе.

Тед поставил бутылки на стол, сдернул крышечки открывалкой, взял свою бутылку и чокнулся с бутылкой Бобби.

– За твоих друзей на острове.

– Каком острове?

Тед Бротиген улыбнулся и выстрелил из смятой пачки последнюю сигарету.

– Скоро узнаешь, – сказал он.

И Бобби узнал, и ему не понадобилось двадцати страниц, чтобы узнать, что «Повелитель мух» – клевая книга, может, самая лучшая из всех, которые он читал. На десятой странице он был заморожен, к двадцатой был полностью покорен. Он жил на острове с Ральфом, Джеком, Хрюшей и малышкой. Он до дрожи боялся Зверя, который оказался разлагающимся трупом летчика, запутавшегося в своем парашюте; он следил сначала с огорчением, а потом с ужасом, как безобидные школьники превращались в свирепых дикарей и под конец устроили охоту на того из них, кто сумел сохранить остатки человечности.

Книгу он дочитал в субботу, за неделю до окончания учебного года. Когда наступил полдень, а Бобби все еще оставался у себя в комнате, вместо того чтобы играть с друзьями, смотреть утренние субботние мультики и даже слушать «Веселые мелодии» с десяти до одиннадцати, мама заглянула к нему и велела, чтобы он перестал утыкаться носом в эту книгу, поскорее встал и пошел бы в парк или куда-нибудь еще.

– Где Салл? – спросила она.

– На Долхаус-сквер. Там концерт школьного оркестра. – Бобби смотрел на свою маму в дверях, на привычные вещи вокруг ошеломленным недоумевающим взглядом. Мир книги стал настолько живым, что этот – настоящий – выглядел теперь поддельным и тусклым.

– А твоя девочка? Позови ее с собой в парк.

– Кэрол – не моя девочка, мам.

– Ну, все равно. Господи, Бобби, я же не намекала, что вы с ней собираетесь бежать и пожениться.

– Она и еще девочки ночевали вчера у Анджи. Кэрол говорит, что они, когда ночуют друг у дружки, всю ночь не спят и кудахчут. Наверное, еще спят или завтракают, когда скоро пора обедать.

– Тогда пойди в парк один. Я из-за тебя изнервничалась. Когда телевизор в субботнее утро молчит, мне чудится, будто ты умер.

Она вошла в комнату и забрала книгу из его рук. Бобби словно в трансе смотрел, как она листает страницы, наугад читая абзац-другой. Что, если она наткнется на то место, где мальчики говорят о том, чтобы воткнуть копьё в задницу свиньи? (Только они англичане, и вместо «задница» говорили «зад», что для Бобби звучало еще похабнее.) Что она подумает? Он не знал. Всю свою жизнь они жили вместе, почти всегда только вдвоем, и он все-таки не мог предсказать, как она отнесется к тому или этому.

– Это та, которую тебе Бреттиген подарил?

– Угу.

– Как на день рождения?

– Угу.

– О чем она?

– Мальчики попали на необитаемый остров. Их теплоход потопили. По-моему, действие происходит вроде бы после Третьей мировой войны или еще когда-то. Тип, который ее написал, нигде прямо не указывает.

– Значит, это научная фантастика?

– Угу, – сказал Бобби. У него немножко помутилось в голове. Он подумал, что «Повелитель мух» настолько не похож на «Кольцо вокруг Солнца», насколько это вообще возможно, но его мама ненавидела научную фантастику, и если что-то могло помешать ей и дальше угрожающе перелистывать книгу, то именно это.

Она отдала ему книгу и подошла к окну.

– Бобби?

Она не оглянулась на него – во всяком случае, сразу. На ней была старая рубашка и субботные брюки. Яркое полуденное солнце просвечивало рубашку насквозь. Ему были видны ее бока, и он вдруг заметил, до чего она худая. Будто забывает есть или еще почему-то.

– Что, мам?

– Мистер Бреттиген дарил тебе еще что-нибудь?

– Он БРОТИГЕН, мам.

Она нахмурилась на свое отражение в стекле... хотя, наверное, нахмурилась она на его отражение.

– Не поправляй меня, Бобби-бой. Так дарил?

Бобби взвесил. Несколько банок с соком, иногда бутерброд с тунцом или плюшка из пекарни, где работала мама Салла, но это же не подарки?

– Да нет, и с чего бы?

– Не знаю. Но ведь я не знаю, почему человек, с которым ты не успел познакомиться толком, вдруг дарит тебе что-то на день рождения. – Она вздохнула, скрестила руки под своими маленькими торчащими грудями и продолжала глядеть в окно Бобби. – Он сказал мне, что прежде работал в государственном учреждении в Хартфорде, а теперь ушел на покой. Он и тебе это говорил?

– Да, вроде бы. – Правду сказать, Тед никогда о своей прежней жизни ничего не говорил, а Бобби и в голову не пришло его расспрашивать.

– В каком государственном учреждении? Здравоохранение и социальные службы? Транспорт? Ревизорский отдел?

Бобби помотал головой. Ревизорский – это еще что?

– Наверное, что-то по просвещению, – сказала она задумчиво. – Он разговаривает, будто бывший учитель. Верно?

– Угу.

– А чем он интересуется?

– Не знаю.

Ну, конечно, чтение – два из трех бумажных пакетов, так оскорбивших его мать, были набиты книжками в бумажных обложках и почти все не выглядели легонькими.

Тот факт, что Бобби не знал ничего о том, как новый жилец проводит свой досуг, ее, казалось, почему-то успокоил. Она пожала плечами, а когда заговорила, то словно бы не с Бобби, а сама с собой.

– Ерунда. Это всего лишь книга. Да к тому же в мягкой обложке.

– Он сказал, что у него, может, найдется для меня работа. Но пока еще ничего не предложил.

Она молниеносно обернулась.

– Какую бы работу он тебе ни предложил, какое бы поручение ни дал, сначала расскажешь мне. Понял?

– Ну, понял. – Ее настойчивость удивила его и немножко встревожила.

– Обещай!

– Обещаю.

– По-настоящему обещай, Бобби.

Он покорно перекрестил грудь над сердцем и сказал:

– Обещаю моей матери именем Божиим.

Обычно все этим исчерпывалось, но на этот раз ей словно бы было мало.

– А он когда-нибудь... он когда-нибудь... – Тут она умолкла с непривычно растерянным видом. У ребят бывал такой вид, когда миссис Брэмуэлл вызывала их к доске подчеркивать существительные и глаголы, а они не могли.

– Что он когда-нибудь, мам?

– Не важно! – сердито отрезала она. – Убирайся отсюда, Бобби. Отправляйся в парк или в Стерлинг-Хаус, мне надоело смотреть на тебя.

«Так чего же ты пришла? – подумал он, но, конечно, вслух не сказал. – Я же не надоедал тебе, мам. Я тебе не надоедал».

Бобби засунул «Повелителя мух» в задний карман и пошел к двери. Там он обернулся. Она по-прежнему стояла у окна, но теперь опять смотрела на него. В такие секунды он никогда не видел любви в ее глазах. В лучшем случае что-то вроде озабоченного интереса, а порой (но далеко не всегда) почти ласковость.

– Мам, а? – Он было хотел попросить пятьдесят центов. На них он купил бы стакан газировки и пару сосисок в закусочной «Колония». Ему нравились тамошние сосиски в горячих булочках с чипсами и ломтиками маринованного огурца по краям.

Ее губы собрались как на шнурке, и он понял, что сегодня сосисок ему не есть.

– Не проси, Бобби. Даже и не мечтай («Даже и не мечтай» – одно из ее постоянных присловий). Я на этой неделе получила тонну счетов, не меньше, так что убери из глаз долларовые знаки.

Не получала она тонны счетов, вот в чем было дело. На этой неделе не получала. Бобби видел и счет за электричество, и чек за квартплату в конверте с надписью «мр. Монтелеоне» еще в прошлую среду. И она не могла сослаться на то, что ему скоро понадобится новая одежда – ведь учебный год кончается, а не начинается, а за последнее время он денег не просил – только пять долларов – квартальный взнос в Стерлинг-Хаус, а она и из-за них озлилась, хотя знает, что они покрывают и бассейн, и бейсбол Волков и Львов плюс страховка. Будь это не его мама, он бы подумал, что она жмотничает. Но сказать ей он ничего не мог – заговоришь о деньгах, и она сразу упрется, а на любое возражение, когда речь идет о деньгах, хоть о самых пустяках, она начинает истерически кричать. И становится очень страшной.

– Все в порядке, мам, – улыбнулся Бобби.

Она улыбнулась в ответ, а потом кивнула на банку с «Велофондом».

– А почему бы тебе не занять оттуда чуточку? Побалуй себя. Я тебя не выдам, а ты потом вернешь.

Он удержал улыбку на губах, но с трудом. Как легко она это сказала, даже не подумав, в какую ярость пришла бы, если бы Бобби попробовал занять чуточку из денег за электричество или за телефон, или из тех, которые она откладывает на покупку своих «рабочих костюмов», – для того, чтобы закусить в «Колонии» парой сосисок и, может быть, куском пирога «а ля мод»¹⁸. Если бы весело сказать, что не выдаст ее, а она потом вернет. Да уж, конечно! И получить затрещину.

К тому времени, когда он вошел в парк, обида Бобби почти прошла и словечко «жмотничать» исчезло из его мыслей. День был чудесный, а у него с собой потрясная книга – разве можно таить обиды и злиться, когда тебе так подфартило? Он нашел скамейку в укромном уголке и открыл «Повелителя мух». Книжку надо дочитать сегодня, надо узнать, как все кончится.

Последние сорок страниц заняли час, и на протяжении этого часа он не замечал ничего вокруг. Когда он наконец закрыл книжку, то увидел, что колени у него усыпаны чем-то вроде белых цветочков. Полно их было и у него в волосах – он даже не заметил, что сидел в метели яблоневых лепестков.

Он смахнул лепестки, глядя на площадку для игр: ребята там балансировали и качались, и били по мячу, привязанному к столбу. Хохотали, гонялись друг за другом, валились на траву. Неужели вот такие ребята способны расхаживать нагишом и молиться разлагающейся свиной голове? До чего соблазнительно было отбросить все это, как выдумки взрослого, который не любит детей (Бобби знал, что таких очень много), но тут он посмотрел на песочницу и увидел, что сидящий в ней малыш рыдает так, будто у него сердце разрывается, а рядом сидит мальчишка постарше и беззаботно играет с самосваль-чиком, который вырвал у своего приятеля.

А конец книги – счастливый или нет? Какой бы психованной такая мысль ни показалась ему месяц назад, Бобби не мог решить. Сколько книг он ни прочел за свою жизнь, он всегда знал, хороший у нее конец или плохой, счастливый или грустный. Тед наверняка знает. Он спросит у Теда.

Бобби все еще сидел на скамейке под яблонями, когда через четверть часа в парк влетел Салл и сразу его увидел.

– Вот ты где, старый сукин сын! – воскликнул Салл. – Я зашел к тебе, и твоя мама сказала, что ты либо тут, либо в Стерлинг-Хаусе. Так ты наконец дочитал эту книжку?

– Угу.

– Хорошая?

– Угу.

Эс-Джей мотнул головой.

– Мне еще ни разу не попадалась стоящая книжка, но поверю тебе на слово.

– Как концерт?

Салл пожал плечами.

– Мы дудели, пока все не разошлись, так что прошло вроде бы неплохо – во всяком случае, для нас. И угадай, кто выиграл неделю в лагере «Виннивинья»?

Лагерь «Винни» для мальчиков и девочек, принадлежащий Ассоциации молодых христиан, находился на озере Джордж в лесах к северу от Мэнсфилда. Каждый год ХОК – Харвичский общественный комитет устраивал жеребьевку, и выигравший отправлялся туда на неделю.

Бобби стало завидно.

---

¹⁸ модный (фр.).

– Быть не может!

Салл-Джон ухмыльнулся.

– Угу, приятель! Семьдесят фамилий в шляпе, то есть, может, и больше, а старый лысый сукин сын мистер Кафлин вытаскивает Джона Л. Салливана Младшего, Брод-стрит, девяносто три. Мама чуть не обмочилась.

– Когда поедешь?

– Через две недели после начала каникул. Мама попробует взять на тогда же свой недельный отпуск, чтобы съездить повидать бабушку с дедом в Висконсине. На Большом Сером Псе.

«Большим Каном» были летние каникулы, «Большим Шоу» был Эд Салливан по телику в воскресенье вечером, а «Большим Серым Псом» был, естественно, междугородний автобус «Грей-хаунд» – серая гончая. Вокзал был чуть дальше по улице за «Эшеровским Ампиrom» и закусочной «Колония».

– А ты бы не хотел поехать с ней в Висконсин? – спросил Бобби, испытывая нехорошее желание чуточку испортить радость друга, которому так повезло.

– Неплохо бы, да только пострелять из лука в лагере интереснее. – Он обнял Бобби за плечи. – Жаль только, что ты со мной не поедешь, сукин ты читальщик.

Теперь Бобби ощутил себя подлюгой. Он покосился на «Повелителя мух» и понял, что очень скоро перечитает его. Может, в начале августа, если все успеет надоесть (к августу так обычно и случалось, как ни трудно было поверить этому в мае). Потом он посмотрел на Салл-Джона, улыбнулся и обнял Эс-Джея за плечи.

– Везучий ты, мышонок!

– Зовите меня просто Микки, – согласился Салл-Джон.

Они немного посидели на скамейке, обнявшись, в вихрях яблоневых лепестков, глядя, как играют малыши. Потом Салл сказал, что идет на дневной сеанс в «Ампире» и надо поторопиться, не то он опоздает к началу.

– Почему бы и тебе не пойти, Бобборино? «Черный скорпион» – куда ни обернешься, монстров не оберешься.

– Не могу. Я на мели, – сказал Бобби. Что было правдой (если, конечно, не считать семи долларов в «Велофонде»), но вообще сегодня ему в кино не хотелось, хотя он слышал, как в школе один парень говорил, что «Черный скорпион» – это класс: убивая людей, скорпионы протыкали их жалами насквозь и, кроме того, стерли Мехико в порошок.

А хотелось Бобби вернуться домой и обсудить с Тедом «Повелителя мух».

– На мели, – грустно повторил Салл. – Печально, Джек. Я бы заплатил за тебя, да только у меня всего-навсего тридцать семь центов.

– Не парься. Э-эй, а где твой бо-ло?

Салл погрузился еще больше.

– Резинка лопнула. Вознесся в Бо-ло Рай, надо полагать.

Бобби засмеялся. Бо-ло Рай – клевая идея!

– Купишь новый?

– Наверяд ли. Я целюсь на набор для фокусника в «Вулворте». Шестьдесят фокусов, если верить коробке. Знаешь, Бобби, а я бы стал фокусником, когда вырасту. Разъезжать с цирком, ходить в черном фраке и цилиндре. Я бы вытаскивал из цилиндра кроликов и дерьмо.

– Ну, кролики тебе насрут полный цилиндр, – сказал Бобби.

Салл ухмыльнулся.

– Уж я буду клевый сукин сын! Эх здорово! Чем ни займусь. – Он встал. – Точно не пойдешь? Проскользнешь мимо Годзиллы, и все.

В «Ампир» на субботние сеансы приходили сотни ребят. Программа обычно состояла из художественного фильма, восьми-девяти мультфильмов, рекламы будущих фильмов и еще – киноновостей. Миссис Годлоу с ума сходила, пытаясь выстроить их в очередь и заставить

заткнуться, не понимая, что днем в субботу даже дисциплинированных ребят невозможно принудить вести себя так, будто они в школе. Кроме того, ее терзала маниакальная уверенность, что десятки подростков старше двенадцати лет пытаются купить билеты для детей младшего возраста, и миссис Г., конечно, начала бы требовать метрики на дневных сеансах, как на двух фильмах с Брижит Бардо, если бы ей позволили. Не имея на то власти, она ограничивалась рывканьем «ВКАКОМГОДУРОДИЛСЯ?» на всякого, кто был выше пяти с половиной футов. Пока продолжалась эта заварушка, было очень просто проскользнуть мимо нее, а днем в субботу контролер в дверях не стоял. Однако сегодня гигантские скорпионы Бобби не влекли. Последнюю неделю он провел с монстрами пореалистичнее, причем многие из них, наверное, выглядели совсем как он.

– Не-а, – сказал Бобби, – поболтаюсь пока тут.

– Ладно. – Салл-Джон выковырял несколько лепестков из своих черных волос, потом с торжественной серьезностью посмотрел на Бобби. – Назови меня клевым сукиным сыном, Большой Боб.

– Салл, ты клевый сукин сын!

– Ага! – Салл-Джон взвился в воздух, молотя по нему кулаками. – Ага! Клевый сукин сын сегодня! Большой-пребольшой клевый сукин сын-фокусник завтра! Ого-го-го!

Бобби привалился к спинке скамейки и хохотал, вытянув ноги, поджав пальцы на них. Эс-Джей, когда давал себе волю, мог со смеху уморить.

Салл пошел было к воротам, потом обернулся.

– Знаешь что, приятель? Когда я входил в парк, то видел пару жутких типчиков.

– А что в них было жуткого?

Салл-Джон с недоумением помотал головой.

– Не знаю, – сказал он. – Правда, не знаю, – и зашагал к воротам, напевая «На вечеринке». Одну из своих любимых. Бобби она тоже нравилась. «Денни и Мальчики» еще какие клевые!

Бобби открыл подаренную Тедом книжку (она теперь выглядела сильно замусоленной) и перечел две последние страницы, те, где наконец появляются взрослые. Снова задумался – счастливый или печальный? И Салл-Джон выскочил у него из головы. Позднее ему пришло в голову, что многое могло бы сложиться по-другому, упомяни Эс-Джей, что жуткие типчики, которых он видел, были в желтых плащах.

* * *

– Уильям Голдинг написал интересную вещь про эту книгу и, по-моему, о том, почему тебе так важно узнать про конец... еще шипучки, Бобби?

Бобби мотнул головой и сказал «нет, спасибо». Ему не так уж нравилась шипучка из корнеплодов, и чаще он пил ее из вежливости, когда бывал с Тедом. Они опять сидели за кухонным столом Теда, пес миссис О'Хара все еще лаял – насколько мог судить Бобби, Баузер никогда не умолкал, – а Тед все еще курил свои «честерфилдки». Бобби, когда пришел из парка, заглянул к матери, увидел, что она спит у себя на кровати, и бросился на третий этаж спросить Теда про конец «Повелителя мух».

Тед подошел к холодильнику... и остался стоять там, положив руку на дверцу, глядя в пространство. Позднее Бобби предстояло сообразить, что это был первый раз, когда он ясно увидел, что с Тедом что-то не так, вернее, очень неладно и становится еще неладнее.

– Их сначала замечаешь обратной стороной глаз, – сказал он, будто продолжая разговор. Он говорил четко, Бобби разбирал каждое слово.

– Что замечаешь?

– Их сначала замечаешь обратной стороной глаз. – Все еще глядя в пространство, одной рукой сжимая ручку холодильника. И Бобби стало страшно. Будто в воздухе что-то было, что-то вроде цветочной пылицы – у него защекотало в носу, зачесались тыльные стороны ладоней.

Потом Тед открыл холодильничек и нагнулся.

– Точно не хочешь? – спросил он. – А то холодненькая, в самый раз.

– Не... нет, не нужно.

Тед вернулся к столу, и Бобби понял, что Тед либо хочет сделать вид, будто ничего не случилось, либо ничего не помнит. И еще он понял, что с Тедом сейчас все в порядке. Для Бобби этого было достаточно. Взрослых не поймешь. Иногда лучше просто не замечать того, что они вытворяют.

– Скажите, что он сказал про конец, мистер Голдинг?

– Насколько помню, что-то вроде: «Мальчиков спасла команда линейного крейсера, но кто спасет команду?» – Тед налил себе стакан шипучки, подождал, чтобы пена осела, и подлил в стакан еще. – Теперь понимаешь?

Бобби прикинул так и эдак, словно решал ребус. Черт, это и был ребус.

– Нет, – сказал он наконец. – Все равно не понимаю. Их не от чего было спасать – я про моряков в шлюпке, – потому что они ведь не были на острове. И еще... – Он подумал о малышках в песочнице: один ревет во весь голос, а другой знай себе играет с отнятым самосвальчиком. – Моряки на крейсере ведь взрослые. А взрослые в спасении не нуждаются.

– Нет?

– Нет.

– Никогда?

Бобби вдруг вспомнил свою мать: какой она бывает из-за денег. Потом вспомнил, как проснулся ночью и вроде бы услышал, как она плачет. Он ничего не ответил.

– Ты поразмысли, – сказал Тед, сильно затянулся и выпустил клуб дыма. – Хорошие книги для того и пишутся, чтобы над ними потом размышляли.

– Ладно.

– «Повелитель мух» ведь не очень похож на «Мальчишек Харди», верно?

Бобби на мгновение увидел очень ясно, как Фрэнк и Джо Харди бегут по джунглям с самодельными копьями, распевая, что убьют дикую свинью и воткнут копьё ей в задницу. Он засмеялся, и когда Тед присоединился к его смеху, он понял, что навсегда покончил с Мальчишками Харди, Томом Свифтом, Риком Брентом и Бомбой – мальчиком из джунглей. «Повелитель мух» уничтожил их, и Бобби лишний раз обрадовался, что у него есть взрослая библиотечная карточка.

– Да уж! – ответил он.

– А хорошие книги не выдают все свои секреты сразу. Запомнишь?

– Да.

– Потрясающе! А теперь скажи мне, хочешь зарабатывать у меня по доллару в неделю?

Перемена темы была настолько внезапной, что на секунду Бобби запутался, но потом расплылся до ушей и сказал:

– Ух, черт! Само собой!

В мозгу у него бешено закружились цифры: Бобби все-таки преуспел в математике настолько, чтобы сосчитать, что доллар в неделю означает по меньшей мере пятнадцать баксов к сентябрю. А добавить их к тому, что уже накоплено, да плюс даже средний урожай бутылок по кустам, да подстричь пару-другую газонов по улице... ух ты! В День Труда¹⁹ он уже сможет прокатиться на «швинне»!

– А что мне нужно будет делать?

---

¹⁹ Празднуется в США в первое воскресенье сентября.

– Тут нам требуется соблюдать осторожность. Большую осторожность. – Тед замолк и о чем-то задумался – так долго, что Бобби испугался, как бы он снова не понес чушь об обратной стороне глаз. Но когда Тед поглядел на него, та странная пустота у него в глазах не появилась. Они были ясными, хотя и немножко виноватыми. – Я бы никогда не попросил моего друга – а особенно юного друга – лгать родителям, но тут я попрошу тебя заняться со мной небольшим отводом глаз. Ты знаешь, что это такое?

– Само собой. – Бобби подумал о Салле и его новом плане путешествовать с цирком, носить черный фрак и вытаскивать кроликов из шляпы. – Ну, как делают фокусники, чтобы дурачить зрителей.

– Если это выразить так, звучит ведь не особенно хорошо, верно?

Бобби покачал головой. Да, если убрать блески и цветное освещение, звучало это совсем-совсем нехорошо.

Тед отхлебнул шипучки и вытер пену с верхней губы.

– Твоя мама, Бобби. Она не то чтобы очень меня недолюбливает – сказать так было бы, по-моему, несправедливо... но я думаю, что она ПОЧТИ меня недолюбливает. Согласен?

– Вроде бы. Когда я ей сказал, что у вас может быть для меня работа, она чуть на стенку не полезла. Сказала, что я должен рассказать ей, что вы хотите, чтобы я делал, а тогда она скажет, можно мне или нет.

Тед Бротиген кивнул.

– По-моему, это все потому, что вы часть вещей привезли в бумажных пакетах. Я знаю, получается глупость какая-то, но другой причины вроде бы нету. – Он думал, что Тед засмеется, но тот только снова кивнул.

– Может, все только к этому и сводится. В любом случае, Бобби, я не хотел бы, чтобы тыслушался мамы.

Очень даже хорошо, но Бобби Гарфилд не совсем ему поверил: если так, так зачем было говорить про отвод глаз?

– Скажи маме, что у меня глаза очень быстро устают. Это правда. – Словно в доказательство, Тед поднял правую руку и помассировал уголки глаз большим и указательным пальцами. – Скажи ей, что мне хотелось бы, чтобы ты каждый день читал мне статьи из газет, а за это я буду платить тебе доллар в неделю – монету, как выражается твой приятель Салл.

Бобби кивнул... но бакс в неделю за то, чтобы читать про то, как Кеннеди проходит первичные выборы, и победит ли Флойд Паттерсон в июне или нет? Да еще, может, «Блонди» и «Дик Трейси» в придачу. Его мама или, может, мистер Бидермен в агентстве по продаже недвижимости и поверили бы, но только не Бобби.

Тед все еще протирал глаза, и его кисть нависала над узким носом, будто паук.

– А что еще? – спросил Бобби. Голос у него прозвучал странно, плоско, точно голос его мамы, когда он обещал прибрать свою комнату, а она заглядывала туда вечером и видела, что он еще не принимался за уборку. – А настоящая работа какая?

– Я хочу, чтобы ты кое-кого выглядывал, только и всего.

– А кого?

– Низких людей в желтых плащах. – Пальцы Теда все еще терли уголки его глаз. Бобби ждал, когда он перестанет, от этих движущихся пальцев ему становилось не по себе. Тед ощущает что-то по ту сторону глаз и оттого трет их и поглаживает? Что-то, что завладело его вниманием, нарушило обычно разумный и упорядоченный ход его мыслей.

– Лилипутов?

Но почему в желтых плащах? Однако ничего другого ему в голову не пришло.

Тед засмеялся – солнечным, настоящим смехом, и от этого смеха Бобби стало ясно, до чего ему было не по себе.

– Низких мужчин, – сказал Тед. – Слово «низкий» я употребил в диккенсовском смысле, подразумевая субъектов, которые выглядят дураками... и к тому же опасными. Люди того пошиба, что, так сказать, играют в кости в темных закоулках и пускают в круговую бутылку спиртного в бумажном пакете. Того пошиба, что прислоняются к фонарным столбам и свистят вслед женщинам, идущим по тротуару на той стороне, и утирают шеи носовыми платками. Которые никогда не бывают чистыми. Люди, которые считают шляпы с перышком на тулье высшим шиком. Люди, которые выглядят так, словно знают все верные ответы на все глупые вопросы, поставленные жизнью. Я говорю не слишком внятно, а? Что-нибудь из этого доходит до тебя? Вызывает отклик?

Угу, вызывает. Похоже на то, как назвать время старым лысым обманщиком. Будто слово или фраза именно такие, какими должны быть, хотя ты и не можешь объяснить, почему. Ему вспомнилось, как мистер Бидермен всегда выглядит небритым, даже когда еще чувствуешь сладкий запах лосьона после бритья, высыхающего на его щеках; как почему-то твердо знаешь, что мистер Бидермен ковыряет в носу, когда остается в машине один, или сует пальцы в приемнички возврата монет во всех телефонах-автоматах, мимо которых проходит и сам того не замечает.

– Я понял, – сказал он.

– Отлично. Я и за тысячу тысяч жизней не попросил бы тебя заговорить с такими людьми или даже подойти к ним поближе. Но я прошу тебя нести дозор, раз в день обходить квартал – Брод-стрит, Коммонвелф-стрит, Колония-стрит, Эшер-авеню, а потом вернуться сюда в дом сто сорок девять. Просто поглядывать, что и как.

Все это начинало укладываться у Бобби в голове. В день его рождения – который также был днем переезда Теда в дом номер сто сорок девять – Тед спросил его, сумеет ли он распознать странников, пришельцев – тех, чьи лица ему не знакомы, если они тут появятся. И меньше чем через три недели Кэрол Гербер сказала, что иногда ей кажется, будто Тед от чего-то прячется.

– А сколько этих типчиков? – спросил он.

– Трое, пятеро, теперь, может быть, и больше. – Тэд пожал плечами. – Ты их узнаешь по длинным желтым плащам и смуглой коже... хотя эта темная кожа всего лишь маскировка.

– Что... вроде как «Ман-Тан» или что-то такое?

– Пожалуй, да. А если они приедут на машинах, ты их узнаешь по этим машинам.

– А какие они? Какие модели? – Бобби почувствовал себя Даррено Макгейвином в «Майке Хаммере» и посоветовал себе не увлекаться. Это же не сериал. И все-таки очень увлекательно.

Тед покачал головой.

– Понятия не имею. Но ты все равно их распознаешь, потому что машины у них будут такие же, как их желтые плащи и остроносые туфли, и ароматизированный жир, которым они намаживают волосы – броские и вульгарные.

– Низкие, – сказал Бобби.

– Низкие, – повторил Тед и энергично кивнул. Отхлебнул шипучки, оглянулся налай неумолчного Баузера... и несколько секунд сохранял эту позу, будто у игрушки сломалась пружинка или у машины кончился бензин. – Они меня чувствуют, – сказал он, – а я чувствую их. Что за мир!

– Что им нужно?

Тед обернулся к нему, словно застигнутый врасплох. Словно он забыл, что Бобби у него в кухне. Потом улыбнулся и положил ладонь на руку Бобби. Ладонь была большая, теплая и надежная – мужская ладонь. От этого прикосновения уже не слишком глубокие сомнения Бобби рассеялись.

– То, что у меня есть, – сказал Тед. – И остановимся на этом.

– А они не полицейские? Не секретные агенты? Или...

– Ты хочешь спросить, не вхожу ли я в «Десятку важнейших преступников», разыскиваемых ФБР? Или я коммунистический шпион, как в «Я вел тройную жизнь»? Злодей?

– Я знаю, что вы не злодей, – сказал Бобби, но краска, разлившаяся по его щекам, намекала на обратное. Хотя, что бы он ни думал, это мало что меняло. Злодей ведь может нравиться, его даже можно любить. Даже у Гитлера была мать, как любит повторять его собственная мама.

– Я не злодей. Не ограбил ни одного банка, не украл ни одной военной тайны. Я слишком большую часть своей жизни тратил на чтение книг и старался не платить штрафы – существуй библиотечная полиция, боюсь, она охотилась бы за мной. Но я не злодей вроде тех, которых ты видишь по телевизору.

– А вот типчики в желтых плащах, так да.

– До мозга костей, – кивнул Тед. – И, как я уже говорил, – опасные.

– Вы их видели?

– Много раз, но не здесь, и девяносто девять шансов против одного, что ты их не увидишь.

Все, чего я прошу: поглядывай, не появятся ли они. Это ты можешь сделать?

– Да.

– Бобби? Что-то не так?

– Да нет. – И все же секунду что-то такое было – не нечто определенное, а лишь мелькнувшее ощущение нащупывания.

– Ты уверен?

– Угу.

– Ну, хорошо. Ну а теперь вопрос: можешь ты с чистой совестью – или хотя бы со спокойной совестью не сказать об этой части своих обязанностей матери?

– Да, – ответил Бобби без запинки, хотя и понимал, что это означает большое изменение в его жизни... и очень рискованное. Он боялся своей мамы – очень боялся, и страх этот лишь отчасти был связан с тем, как сильно она могла рассердиться и как долго заставлять его расплачиваться. Главное же заключалось в горьком ощущении, что любят его самую чуточку, и хотя бы такую любовь надо оберегать. Но ему нравился Тед... и было так приятно чувствовать на своей руке ладонь Теда – ее теплую шероховатость, прикосновение пальцев, почти узловатых в суставах. И ведь это не значит врать, а только сказать не все.

– Ты по-настоящему уверен?

«Если хочешь научиться врать, Бобби-бой, так начать умалчивать – самое неплохое начало», – зашептал внутренний голос. Бобби не стал его слушать.

– Да, – сказал он. – По-настоящему уверен. Тед... а эти типчики опасны только вам или всем? – Думал он о своей маме, но и о себе тоже.

– Мне они могут быть очень опасны. Очень. Для других людей... подавляющего большинства других людей, вероятно, нет. Хочешь узнать одну странность? Люди, в большинстве, их попросту не видят. Разве что они окажутся совсем уж близко. Прямо-таки кажется, что они умеют затемнять человеческое сознание. Ну, как Тень в старом радиосериале.

– Значит, они... ну... – Он полагал, что тут подходит слово «сверхъестественные», но не был уверен, что сумеет его выговорить.

– Нет-нет, вовсе нет! – Тед отмахнулся от вопроса прежде, чем вопрос был толком задан. (Вечером, когда Бобби не засыпал дольше обычного, он подумал, что Тед словно бы боялся произнести это слово вслух.) – Есть много людей, самых обыкновенных, которых мы не видим. Официантку, которая возвращается домой, опустив голову, держа бумажный пакет со своими ресторанными туфлями. Стариков, вышедших днем в парк прогуляться. Девочек-подростков с бигуди в волосах и в наушниках, настроивших свои транзисторы на «Отсчет времени» Питера Триппа. Но дети их видят. Дети видят всех. А ты, Бобби, ты все еще ребенок.

– Да вроде таких типчиков трудно не заметить.

– Ты думаешь о куртках. Туфлях. Аляповатых автомобилях. Но именно это заставляет некоторых людей – вернее очень многих людей – отворачиваться. Ставит маленькие шлагбаумы между глазами и мозгом. В любом случае я не позволю тебе рисковать. Если увидишь людей в желтых плащах, НЕ ПРИБЛИЖАЙСЯ К НИМ. Не разговаривай с ними, даже если они заговорят с тобой. Не представляю, что так случится. Думаю, они тебя попросту не увидят – точно так же, как большинство людей не видит их. Но есть много такого, чего я о них не знаю. А теперь скажи, о чем я сейчас говорил. Повтори. Это важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.